РФ
Ш 74

Для распространения литературы партии
Соц.-Рево. * Библиотека О-ва
№

ГУСТАВЪ ШМОЛЛЕРЪ

НАУКА
О
НАРОДНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ
ЕЯ ПРЕДМЕТЪ И МЕТОДЪ

Переводъ Е. Котляревской

МОСКВА
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ
1897

Изданія М. и С. Сабашниковыхъ:

Бёмъ, А., и Давыдовъ, М. Учебникъ гистологіи человѣка, со включеніемъ микроскопической техники. Перев. В. Львова. Изд. 2-е. 246 рис., 382 стр. Цѣна 3 руб. 1897 г.

Бреаль, М. Древніе языки въ среднемъ образованіи. Перев. Н. Сперанскаго. Стр. 99. Цѣна 75 к. 1892 г.

Гертвигъ, О. Современные спорные вопросы біологіи. Перев. В. Львова. 4 рис. 122 стр. Цѣна 60 коп. 1895 г.

Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. Перев. А. Тимофеевой Цѣна 1 р. 1897 г.

Маевскій, П. Флора Средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію среднерусскихъ сѣменныхъ и сосудистыхъ споровыхъ растеній. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное подъ редакціей С. Коржинскаго. 154 рис. 639 стр. Цѣна 3 руб. 50 коп. 1895 г.

— Злаки Средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію среднерусскихъ злаковъ. 54 рис. 157 стр. Цѣна 85 коп. 1891 г.

— Весенняя флора Средней Россіи. Таблицы для опредѣленія растеній, цвѣтущихъ въ мартѣ и апрѣлѣ. 2-е изданіе, исправленное и дополненное. 37 рис. 67 стр. Цѣна 30 к. 1893 г.

Мартыновъ, Н. Курсъ рисованія, съ 64 таблицами, въ двухъ частяхъ. Цѣна: текстъ съ I-й частью таблицъ — 1 руб.; текстъ со II-й частью таблицъ—1 р. 25 к.; текстъ съ обѣими частями таблицъ—2 руб. 1891 г.

Мензбиръ, М. Птицы Россіи. Изд. 2-е, съ прибавленіемъ статьи: „О пользѣ и вредѣ птицъ". Въ двухъ томахъ, 537 рис. 1956 стр. Цѣна за два тома 10 р. 1895 г.

Сперанскій, Н. Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ. 454 стр. Цѣна 2 р. 1896 г.

Шмоллеръ, Г. Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ. Перев. Е. Котляревской. 112 стр. Цѣна 50 коп. 1897 г.

Бик Финуниверситет
5000210356

РФ
Ш-74

ГУСТАВЪ ШМОЛЛЕРЪ

НАУКА
О
НАРОДНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ

ЕЯ ПРЕДМЕТЪ И МЕТОДЪ

Переводъ Е. Котляревской

МОСКВА
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ
1897

Дозволено цензурою. Москва, 18 іюня 1897 г.

210356
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
БИБЛИОТЕКА

Товарищество типографіи А. И. Мамонтова, въ Москвѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
Народное хозяйство	1
Наука о народномъ хозяйствѣ	9
Что такое методъ вообще?	16
Собранія правилъ и религіозныя системы, какъ начатки всей соціальной науки	19
Системы морали	22
Системы или общія теоріи государства, права и народнаго хозяйства	29
Наблюденіе и описаніе вообще	36
Статистическій методъ и анкеты	45
Исторія и историческій методъ	50
Имена и понятія; классификація	61
Причины	68
Индуктивный и дедуктивный методъ	85
Правильности и законы	94
Литература вопроса	107

Предлагаемая работа представляетъ собою переводъ статьи профессора берлинскаго университета Густава Шмоллера, написанной для „Словаря государственныхъ наукъ“ (Handwörterbuch der Staatswissenschaften). Шмоллеръ является, какъ извѣстно, однимъ изъ виднѣйшихъ представителей современной нѣмецкой историко-этической школы экономистовъ. Основные взгляды этой школы представлены имъ въ настоящей статьѣ со всею авторитетностью, которую ему даетъ его блестящая научная дѣятельность. Высокій интересъ, представляемый работою Шмоллера, въ связи съ малою доступностью обширнаго „Словаря“, гдѣ она была помѣщена, заставляетъ думать, что ея отдѣльное изданіе на русскомъ языкѣ является нелишнимъ.

НАУКА О НАРОДНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ, ЕЯ ПРЕДМЕТЪ И МЕТОДЪ.

Народное хозяйство.

Прежде всего слѣдуетъ поставить вопросъ, что́ мы понимаемъ подъ хозяйствомъ и народнымъ хозяйствомъ. Первое понятіе гораздо старѣе второго. Уже греческіе философы стали видѣть въ домашнемъ хозяйствѣ семьи, въ примыкающихъ къ нему обмѣнѣ и денежномъ обращеніи, въ хозяйствѣ общинъ предметы особаго рода, заслуживающіе особаго разсмотрѣнія; культурные народы, находившіеся подъ ихъ вліяніемъ, соединили относящіеся сюда вопросы подъ общимъ именемъ хозяйственныхъ или экономическихъ и такимъ образомъ отличили ихъ отъ прочихъ. Въ центрѣ представленій, получившихъ названіе хозяйственныхъ, стали потребленіе и пріобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ семьею и городской общиной. И техническая сторона дѣятельности людей при заготовленіи себѣ пищи, одежды, жилища входила въ эти представленія, но сравнительно съ соціальнымъ моментомъ, создаваемымъ семьею и общиной, рынкомъ и обмѣномъ, она отступала на задній планъ. Такъ, всѣ непосредственно или посред-

ственно дошедшія до насъ хозяйственныя изслѣдованія древнихъ относятся къ моральной и политической сторонѣ хозяйственной дѣятельности. Нѣмецкое Wirt, Wirtschaft такъ же прежде всего означаетъ веденіе дома, подобно тому какъ отъ οἶκος (домъ) происходитъ и слово экономія; der Wirt, это—хозяинъ дома (Hauswirt), имѣнія (Landwirt), гостиницы (Gastwirt). Хозяйство мы можемъ опредѣлить какъ совокупность или замкнутый кругъ дѣйствій и отношеній, вызываемыхъ трудомъ, воздѣйствіемъ на матеріальный внѣшній міръ и мѣновыми связями одного лица или нѣсколькихъ совмѣстно живущихъ лицъ. Цѣль всѣхъ этихъ дѣйствій и отношеній—поддержаніе существованія; прежде всего и главнымъ образомъ они устанавливаются между лицами, совмѣстно живущими, а затѣмъ уже между ними и третьими лицами, стоящими внѣ ихъ сожительства. Всякое отдѣльное хозяйство предполагаетъ другія, существующія съ нимъ рядомъ, отдѣленныя отъ него правовыми гранями, но связанныя съ нимъ единствомъ рода, общины, государства и международнаго права и въ силу общихъ работъ или обмѣна благъ и услугъ съ нимъ соприкасающіяся, одни—болѣе близко, другія—болѣе отдаленно.

Замкнутое въ себѣ самомъ, работающее не для рынка, а исключительно для собственнаго потребленія, домашнее хозяйство отдаленнѣйшихъ временъ соприкасалось съ сосѣдними хозяйствами только тогда, когда односельчане и сородичи соединялись на общинномъ полѣ, при защитѣ отъ враговъ, при общихъ постройкахъ, перекочевкахъ и разбойничьихъ набѣгахъ. Позднѣе крестьянское хозяйство, хозяйства городского торговца и ремесленника стараго времени сверхъ этого уже состояли съ другими хозяйствами въ отношеніяхъ мѣстнаго рыночнаго обмѣна. Но о народномъ хозяйствѣ все же еще не могло быть и рѣчи.

Обмѣнъ и въ силу фактическихъ, и въ силу своихъ политико-правовыхъ условій оставался вполнѣ мѣстнымъ. И хотя хозяйственная дѣятельность общины и государства все расширялась, но въ центрѣ понятія хозяйства она стала лишь гораздо позднѣе. Великія государства древности, даже римское, оставались лишь союзами городскихъ округовъ или военными диктатурами надъ болѣе или менѣе значительнымъ числомъ такихъ округовъ. А всѣ средніе вѣка, въ смыслѣ хозяйственнаго объединенія извѣстнаго числа связанныхъ отношеніями сосѣдства хозяйствъ, не пошли далѣе хозяйства марки, деревни, города и округа, даже и тамъ, гдѣ языкъ, военная, церковная и политическая организація создали уже и болѣе крупные общественные союзы, а торговля завязала и дальше идущія сношенія.

Лишь зараждающіяся съ конца среднихъ вѣковъ, нынѣ въ главномъ уже сложившіяся великія національныя государства увидали, по мѣрѣ своего развитія, возникновеніе въ нѣдрахъ своихъ того, что мы называемъ народнымъ хозяйствомъ. О народномъ хозяйствѣ можно сказать то же, что и о современныхъ языкахъ и литературахъ, о современной организаціи войска и финансовъ, государственнаго управленія и государственнаго устройства: оно сопровождало образованіе государствъ, какъ причина и слѣдствіе. Именно хозяйственную сторону возникновенія этихъ великихъ общественныхъ тѣлъ мы и имѣемъ въ виду, когда говоримъ о народномъ хозяйствѣ или о политической экономіи. Геній языка здѣсь, какъ и часто, подобралъ для новаго понятія болѣе правильное выраженіе, чѣмъ мудрствованія ученыхъ; въ выраженіи „народное хозяйство“ онъ создалъ понятіе въ одно и то же время и собирательное, и индивидуальное: обнимая собою всѣ отдѣльныя хо-

зяйства народа, терминъ этотъ выражаетъ одновременно и то, что эти послѣднія составляютъ союзъ, который не менѣе союзовъ семейнаго, общиннаго и государственнаго можетъ и долженъ считаться вполнѣ реальнымъ цѣлымъ. Слово „народъ“ означаетъ при этомъ, съ одной стороны, совокупность представленій о томъ, что̀ объединяетъ членовъ одного populus'a, членовъ одной natio, съ другой—оно является общимъ выраженіемъ для всѣхъ видовъ внутренней, психически-моральной связи между людьми. Понятіе народнаго хозяйства изъ хозяйственныхъ явленій выдѣляетъ и беретъ себѣ ихъ общественную сторону, стороны же техническую и домашнехозяйственную этихъ явленій отодвигаетъ на задній планъ; съ другой стороны терминъ этотъ разлагаетъ на двѣ части всѣ общественныя и политическія явленія и только явленія хозяйственнаго характера относитъ къ своей области. Въ Германіи въ томъ же смыслѣ прежде употреблялось выраженіе „государственное хозяйство“; замѣна его терминомъ „народное хозяйство“ явилась вполнѣ правильною, такъ какъ прежній терминъ могъ возбуждать ложное побочное представленіе, будто государственная власть призвана руководить всѣми хозяйственными дѣйствіями. Къ нѣкоторымъ неправильнымъ утвержденіямъ и нападкамъ дало поводъ и выраженіе „народное хозяйство“, именно выводившаяся иногда изъ него мысль, будто народъ хозяйствуетъ какъ единичное лицо; но нападки и утвержденія эти падаютъ, если понимать слова правильно и согласно съ преобладающими въ нихъ представленіями.

Народъ есть совокупность многихъ лицъ, объединенныхъ языкомъ и происхожденіемъ, нравами и представленіями о нравственномъ, а по большей части также правомъ и церковью, исторіею и государственнымъ устройствомъ;

лица эти между собою связаны узами въ тысячи и милліоны разъ болѣе тѣсными, чѣмъ съ членами другихъ народовъ. Національные языки и литературы новаго времени, современныя школьное образованіе, пресса и общественное мнѣніе безконечно умножили эти узы. Тогда какъ прежде тѣсная внутренняя психическая связь существовала только между членами семьи, общины, рода, теперь такая связь возникла между членами народа. Рядъ общихъ всѣмъ чувствъ одушевляетъ народъ, рядъ общихъ представленій вошелъ въ національное сознаніе и образуетъ то, что мы называемъ общимъ народнымъ духомъ; послѣдній выражается въ одинаковыхъ нравахъ, стремленіяхъ и волевыхъ актахъ и управляетъ дѣлами и поступками—между прочимъ и хозяйственными — всякаго отдѣльнаго лица. Между многочисленными концентрическими и эксцентрическими кругами психическаго согласія, создающаго въ душевной жизни общества однообразно дѣйствующія силы и центры силъ, тотъ кругъ, который мы означаемъ словомъ народъ, является высшимъ и самымъ могучимъ; рядомъ съ нимъ находятся и дѣйствуютъ круги какъ болѣе широкіе—круги международнаго общенія—такъ и болѣе узкіе, которые въ немъ включены и ему подчинены, а частію состоятъ съ нимъ въ антагонизмѣ; но именно онъ остается кругомъ руководящимъ, именно онъ создаетъ между членами націи великое единство духа и воли; эту именно наполовину безсознательную, наполовину сознательную, хоть и безъ общей команды, но дружно дѣйствующую силу и разумѣютъ, когда говорятъ о народѣ въ высшемъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ же смыслѣ и народное хозяйство является общеніемъ, зиждущимся на концентраціи и согласіи психическихъ силъ.

Но оно зиждется не только на этомъ. Отдѣльныя хо-

зяйства общины или округа уже раньше были связаны между собою обмѣномъ и раздѣленіемъ труда; теперь такимъ же образомъ связаны отдѣльныя хозяйства цѣлаго народа и государства. Свобода внутренняго товарнаго и трудового рынка, свобода передвиженія, національное раздѣленіе труда, современные пути сообщенія — все это настолько связало теперь отдѣльныя хозяйства одного и того же государства, насколько прежде были связаны между собою только хозяйства сосѣдей. Если аналогичныя связи и выходятъ уже далеко за предѣлы отдѣльнаго государства, создавая хозяйство міровое, то эти связи все же гораздо слабѣе тѣхъ, которыя существуютъ внутри государствъ; преобладающее значеніе въ наше время принадлежитъ еще народному хозяйству. Перейдетъ ли это значеніе въ будущемъ къ хозяйству міровому, мы не знаемъ; тогда измѣнится, можетъ быть, и самый терминъ.

Къ этому добровольному объединенію путемъ раздѣленія труда и обмѣна присоединяются наконецъ и связи правовыя и организаціонныя, въ видѣ единства хозяйственнаго законодательства и государственныхъ хозяйственныхъ установленій. Однообразная торговая, промышленная и аграрная политика, однообразная налоговая, таможенная и финансовая организація, государственная денежная и кредитная система, система государственныхъ и коммунальныхъ займовъ, государственныя войско, школы, воспитаніе и призрѣніе бѣдныхъ, государственные пути сообщенія—желѣзныя дороги, каналы, линіи пароходства — государственныя колоніи и международные договоры — всѣ эти установленія господствуютъ теперь надъ всякимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ въ такой мѣрѣ, какъ никогда прежде, и дѣлаютъ изъ него зависимаго члена народнаго хозяйства.

Такимъ образомъ, народное хозяйство мы можемъ опредѣлить какъ составляющую одно цѣлое совокупность существующихъ въ государствѣ, стоящихъ частію рядомъ, частію одно надъ другимъ и взаимно зависимыхъ индивидуальныхъ и корпоративныхъ хозяйствъ, включая и финансовое хозяйство государства. Мы видимъ въ этой совокупности одну цѣльную систему хозяйственно-соціальныхъ порядковъ и установленій народа; мы разсматриваемъ эту систему, несмотря на самостоятельность ея частей, какъ единое реальное цѣлое, потому что всѣми частями ея управляютъ общія психическія и матеріальныя причины, потому что части эти всѣ находятся въ самомъ тѣсномъ взаимодѣйствіи между собою, а центральные органы системы воздѣйствуютъ на всѣ ея части, потому что общій обликъ каждаго народнаго хозяйства, какъ и всякаго другого индивидуальнаго бытія, несмотря на постоянныя перемѣны въ частяхъ, въ главномъ остается въ нашемъ представленіи неизмѣннымъ, всѣ же измѣненія въ данномъ народномъ хозяйствѣ мы представляемъ себѣ какъ процессъ его развитія.

Развившись въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій до относительно самостоятельной системы установленій и порядковъ, частію даже получивши собственные органы, преслѣдующіе самостоятельные интересы, народное хозяйство и въ представленіи людей не могло не сдѣлаться самостоятельною, отдѣльною отъ государства, церкви и другихъ соціальныхъ круговъ и сферъ человѣческой жизни областью индивидуальнаго и общественнаго дѣйствованія. Не слѣдуетъ однако забывать, что отдѣленіе это произошло болѣе въ сферѣ идей, чѣмъ въ дѣйствительности. Силы, дѣйствующія въ народномъ хозяйствѣ,—тѣ же самыя, которыя преслѣдуютъ и другія культурныя цѣли, дѣй-

ствуютъ въ государствѣ и церкви, создаютъ общественные круги, создаютъ нравственность, нравы и право; большое число органовъ, какъ семья, община, государственная власть, въ такой же мѣрѣ служатъ и другимъ цѣлямъ, кромѣ хозяйственныхъ. Народное хозяйство постоянно остается нераздѣльною частію всей общественной жизни. Къ числу условій, отъ которыхъ оно зависитъ, всегда принадлежатъ и государство, и государственное управленіе. Безъ современныхъ государственныхъ учрежденій народное хозяйство было бы немыслимо. И если мы все-таки противопоставляемъ его государству и государственной организаціи, какъ болѣе свободную систему совмѣстно дѣйствующихъ индивидуальныхъ силъ, если оно менѣе, нежели государство, нуждается въ руководствѣ изъ центра, то все же нельзя упускать изъ вида, что въ настоящее время и въ народномъ хозяйствѣ — черезъ посредство экономической политики, могучихъ органовъ кредита, путей сообщенія, хозяйственныхъ союзовъ — уже имѣетъ мѣсто далеко идущее, сознательное, единообразное руководство. А рядомъ съ этимъ надо помнить, что и для государства, и для народнаго хозяйства внутреннее, чисто психическое единство вслѣдствіе общности порядка, коллективности силъ, согласія стремленій, гораздо важнѣе того, которое создается предписаніями центральныхъ органовъ.

Слѣдуетъ ли, уподобляя народное хозяйство человѣческому тѣлу, называть его организмомъ — вопросъ второстепенный, если понимать, что это лишь аналогія, образъ, который многое дѣлаетъ наглядным, но не можетъ замѣнить объясненія по существу. Аналогія эта съ полнымъ правомъ можетъ подчеркнуть, что въ человѣческомъ тѣлѣ, какъ и въ народномъ хозяйствѣ, большая часть внутреннихъ

процессовъ совершается безъ вѣдома о томъ центральныхъ органовъ, но что единство, а когда то требуется, и центральное сознательное руководство въ немъ тѣмъ не менѣе не отсутствуютъ. Но это все же не болѣе, чѣмъ сравненіе, и когда народное хозяйство называютъ единымъ цѣлымъ, центръ тяжести въ развитіи этой мысли всегда должны составлять реальныя причины единства. Требуется понять, какъ происходитъ то, что люди, при своихъ прежде всего и, на первый взглядъ, исключительно индивидуальныхъ потребностяхъ и побужденіяхъ, все тѣснѣе и тѣснѣе соединяются въ меньшія или большія группы и, частію прямо сообща, частію косвенно, подъ формою обмѣна, хозяйствуютъ одинъ для другого. Такимъ образомъ и въ центрѣ народнохозяйственнаго разсмотрѣнія стоитъ все тотъ же коренной соціальный и политическій вопросъ, что связываетъ и раздѣляетъ людей, какими причинами опредѣляется всякое общественное группообразованіе, который является исходнымъ пунктомъ для всѣхъ наукъ объ обществѣ и государствѣ.

Наука о народномъ хозяйствѣ.

Въ то же самое время, когда въ языкѣ появляется понятіе народнаго хозяйства, въ системѣ человѣческаго познанія, въ системѣ отдѣльныхъ наукъ возникаетъ особая наука о народномъ хозяйствѣ.

Много вѣковъ наблюдались и описывались отдѣльные частно—и общественнохозяйственные факты, открывались отдѣльныя народнохозяйственныя истины, изслѣдовались въ системахъ морали и права хозяйственные вопросы. Въ особую науку относящіяся сюда разрозненныя части могли соединиться лишь въ XVII—XIX столѣтіяхъ, когда народно-

хозяйственные вопросы пріобрѣли небывалое значеніе для управленія государствами, стали занимать собою большое число писателей, введены были въ кругъ предметовъ, изучаемыхъ юношествомъ, а общій подъемъ научнаго мышленія тоже велъ къ тому, чтобы объединить собранные народнохозяйственные тезисы и истины въ самостоятельную, связанную извѣстными основными идеями—какъ денежное и мѣновое обращеніе, хозяйственная политика государства, трудъ и раздѣленіе труда—систему, какъ это пытались сдѣлать крупные писатели XVIII вѣка. Съ тѣхъ поръ ученіе о народномъ хозяйствѣ или національная экономія существуетъ какъ самостоятельная наука. Иногда ее называютъ національной экономіей, или ученіемъ о національной экономіи, или политическою экономіей; послѣднее выраженіе имѣетъ однако тотъ побочный смыслъ, что имъ какъ бы захватываются и ставшія самостоятельными части народнохозяйственной науки, какъ наука о финансахъ, и даже науки вспомогательныя, какъ статистика.

Дж. Ст. Милль опредѣлилъ нашу науку какъ науку, изслѣдующую природу богатства и законы его производства и распредѣленія. Но природа богатства имѣетъ и техническую сторону, а законы его производства и распредѣленія, совершенно независимо отъ вопроса о томъ, имѣемъ ли мы уже ихъ, не исчерпываютъ задачи. Рау опредѣлилъ ее какъ „науку, которая раскрываетъ природу народнаго хозяйства, или показываетъ, какъ народъ, благодаря хозяйственнымъ усиліямъ своихъ членовъ, постоянно снабжается вещественными благами“. По Рошеру народнохозяйственная наука—это „ученіе о законахъ развитія народнаго хозяйства“, — опредѣленіе, которымъ захватываются только динамическія измѣненія, а не статическія формы организаціи, не постоянныя однообразныя жизненныя про-

явленія. Мангольдтъ выражается такъ: „научное изложеніе лежащихъ въ основѣ хозяйства силъ, направленій, въ которыхъ онѣ проявляются, законовъ ихъ дѣйствованія и условій ихъ успѣха“. Общественный моментъ впервые выдвинулъ впередъ Фр. Нейманъ, опредѣлившій нашу науку какъ „ученіе объ отношеніи отдѣльныхъ хозяйствъ между собою и къ государственному цѣлому“. Но довольно примѣровъ. Я бы сказалъ: Это – наука, которая ставитъ себѣ задачей описывать народнохозяйственныя явленія, опредѣлять ихъ, отыскивать ихъ причины, а также объяснять, какимъ образомъ они въ совокупности своей представляютъ одно связное цѣлое, причемъ, конечно, предполагается, что само народное хозяйство уже правильно опредѣлено. Въ центрѣ науки стоятъ повторяющіяся у современныхъ культурныхъ народовъ типическія явленія раздѣленія и организаціи труда, обмѣна, распредѣленія дохода, общественнаго хозяйства; опираясь на опредѣленныя формы частнаго и публичнаго права, управляемыя одинаковыми или сходными психическими силами, явленія эти вызываютъ къ жизни сходныя или одинаковыя установленія и движенія, а общее описаніе ихъ даетъ статику современнаго хозяйственнаго культурнаго міра, какъ бы родъ средняго его устройства. Отправляясь отсюда, наука стремилась затѣмъ констатировать различія отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ между собою, различныя формы той или другой организаціи; она поставила вопросъ, въ какой комбинаціи и послѣдовательности различныя формы встрѣчаются, и такимъ образомъ пришла къ представленію о причинномъ развитіи формъ одной изъ другой и объ исторической преемственности видовъ хозяйственнаго быта; къ статическому разсмотрѣнію она такимъ образомъ присоединила динамическое. И какъ съ первыхъ же шаговъ

своихъ она, черезъ посредство нравственно-историческихъ оцѣнокъ, начала выставлять идеалы, такъ эту практическую функцію она до извѣстной степени удержала за собою и до сихъ поръ. Рядомъ съ теоріей она постоянно предлагала и практическія ученія для жизни.

Какъ и всякой наукѣ, наукѣ о народномъ хозяйствѣ безраздѣльно принадлежать можетъ лишь ея ядро; на периферіи она покрывается многочисленными сосѣдними науками, съ которыми содержаніе или методъ ея частію общи, отъ которыхъ она зависитъ, воспринимая отъ нихъ ихъ данныя, которыя она обогащаетъ, предоставляя имъ свои данныя. Только о ядрѣ, поэтому, и можно разумно спорить, а не о периферіи, которая, особенно въ гуманитарныхъ наукахъ, представляетъ границу, постоянно теряющуюся и передвигающуюся, территорію, общую различнымъ наукамъ. Наука о народномъ хозяйствѣ стоитъ въ срединѣ между прикладными естественными науками,—технологіей, ученіемъ о машинахъ, науками о сельскомъ и лѣсномъ хозяйствѣ,—а также антропологіей, этнографіей, климатологіей, общей и спеціальной географіей растеній и животныхъ съ одной стороны, и важнѣйшими гуманитарными науками — психологіей, этикой, науками о государствѣ, о правѣ и обществѣ — съ другой. Народное хозяйство одновременно представляетъ собою и одну изъ формъ природы — черезъ человѣка, и одну изъ формъ культуры—черезъ чувствующее, думающее, дѣйствующее, организованное общество.

Для всякой науки установленіе границъ ея содержанія и систематизація ея зависятъ отъ внутренняго ея состоянія въ данное время и отъ практическихъ цѣлей, предъявляемыхъ ей самой по себѣ и какъ предмету преподаванія. То, что Адамъ Смитъ и его первые послѣдователи изла-

гали какъ одно нераздѣльное ученіе о народномъ богатствѣ, въ Германіи—ближайшимъ образомъ ради цѣлей преподаванія камералистики въ южно-германскихъ университетахъ—раздѣлено было на три части. Рау выдѣлилъ въ особую часть финансы, потому что они занимаются самымъ крупнымъ и самостоятельнымъ изъ отдѣльныхъ хозяйствъ, заключаютъ въ себѣ рядъ имъ однимъ свойственныхъ вопросовъ, а онъ хотѣлъ не только разсказать своимъ камералистамъ кое-что о налогахъ и государственныхъ долгахъ, но дать имъ картину всего финансоваго хозяйства одного изъ нѣмецкихъ государствъ. Остальной матеріалъ онъ затѣмъ раздѣлилъ на часть чисто теоретическую, абстрактную, и часть практическую, прикладную. Это послѣднее дѣленіе съ одной стороны соотвѣтствовало заимствованному у англичанъ ходячему представленію того времени, будто существуетъ совершенно независимое отъ государства и административной системы естественное народное хозяйство,—представленію, допускавшему чисто логическую, отвлеченную формулировку теоремъ о цѣнности, цѣнѣ и распредѣленіи дохода; съ другой стороны оно шло навстрѣчу потребности выдѣлить изъ старой административно-правовой и технологической камералистики и въ связномъ видѣ сообщить учащемуся необходимыя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, обработывающей промышленности и государственномъ о нихъ попеченіи. Отдѣленіе финансовой науки отъ науки о народномъ хозяйствѣ скоро было принято и литературою другихъ государствъ, а раздѣленіе національной экономіи на теоретическую и практическую, теорію народнаго хозяйства и народнохозяйственную политику, осталось больше нѣмецкой особенностью. Она удержалась и донынѣ, только на первый планъ мало-по-малу выступили иные принципы дѣле-

нія. Теперь мы противопоставляемъ общее ученіе о народномъ хозяйствѣ спеціальному; въ обѣихъ частяхъ мы принимаемъ во вниманіе то отношеніе, въ которомъ находятся къ народному хозяйству государство, право, нравы и мораль, но въ одной части мы стремимся представить отвлеченное, схематическое народное хозяйство, или, иначе говоря, теоретически обобщить наши народнохозяйственныя знанія, а въ другой мы изображаемъ хозяйство какого-либо опредѣленнаго времени или, чаще, опредѣленнаго народа или группы народовъ въ его конкретныхъ индивидуальныхъ чертахъ.

Современная общая національная экономія носитъ характеръ философско-соціологическій. Она отправляется отъ природы общества и общихъ причинъ хозяйственной жизни и дѣятельности, изображаетъ статически и динамически типическіе органы и движенія, важнѣйшія установленія. Она систематически и принципіально стремится создать изъ незаконченныхъ отрывковъ нашего познанія одно цѣлое. Она идетъ отъ общаго къ спеціальному, привлекая частности больше для иллюстраціи тѣхъ истинъ, учить которымъ она, по ея мнѣнію, въ состояніи. Начинающему она даетъ схему, для ученаго является попыткою возвести спеціальное на высоту общихъ истинъ. Она можетъ принимать тѣмъ болѣе замкнутую форму, чѣмъ строже будетъ ограничиваться абстрактно-теоретическимъ разсмотрѣніемъ вопросовъ о цѣнности и доходѣ; она приближается къ изслѣдованію этическому и философско-историческому, когда задается цѣлью представить всю совокупность народнохозяйственныхъ явленій въ связи съ ихъ послѣдними общественными причинами.

Наоборотъ, спеціальная національная экономія носитъ характеръ историческій и практически-административно-

правовой; она изображаетъ новѣйшее народнохозяйственное развитіе Западной Европы или отдѣльной страны по періодамъ или по главнымъ отраслямъ народнаго хозяйства. Она отправляется отъ конкретнаго, единичнаго и подробно разбираетъ причины и учрежденія. Она дозволяетъ ввести начинающаго во всестороннее методическое изслѣдованіе отдѣльныхъ проблемъ. Она описательна по самому своему существу; въ своихъ изображеніяхъ она постоянно вынуждена заходить во всевозможныя сосѣднія области, наталкиваться на всевозможныя посторонніе слѣдствія. Она даетъ твердую почву подъ ноги, но, конечно, постоянно прибѣгаетъ къ общимъ истинамъ изъ области какъ общей національной экономіи, такъ и этики, и соціологическихъ общественно-научныхъ представленій. Отыскивая главнымъ образомъ причины отдѣльныхъ явленій и изъ предшествующаго хода событій дѣлая заключенія о будущемъ, она къ этимъ послѣднимъ заключеніямъ постоянно примѣшиваетъ, въ качествѣ руководящихъ мотивовъ, этическія оцѣнки и телеологическія представленія о ходѣ исторіи человѣчества и судьбахъ даннаго государства.

Такимъ образомъ обѣ принятыя въ Германіи части народнохозяйственной науки одна другой противоположны, но противоположны законно; онѣ дополняютъ одна другую по содержанію и методу; сопоставленіе ихъ въ преподаваніи и въ учебникахъ оправдалось; нѣтъ указаній на то, чтобы въ будущемъ онѣ должны были уступить мѣсто иной обработкѣ и иному подраздѣленію предмета. Назначеніе свое онѣ выполняютъ тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе покоятся одна—на возможно широкомъ философскомъ основаніи, другая—на основаніи историческомъ и административно-правовомъ и на практическомъ знаніи жизни. Онѣ соотвѣтствуютъ различнымъ путямъ человѣческаго познаванія,

которые необходимо должны постоянно взаимно пополнять одинъ другой.

Можетъ показаться, что различать объ эти части слѣдовало бы и тогда, когда мы будемъ говорить о методѣ народнохозяйственной науки. Однако это ненужно, такъ какъ въ обѣихъ частяхъ различныя вспомогательныя средства познанія взаимно смѣняются. Знающій дѣло читатель и такъ замѣтитъ, какія изъ нашихъ дальнѣйшихъ разсужденій относятся болѣе къ общей, а какія болѣе къ спеціальной части національной экономіи.

Что такое методъ вообще?

Подъ методомъ мы разумѣемъ слѣдующій извѣстнымъ правиламъ образъ дѣйствій для достиженія опредѣленной цѣли. Методъ науки о народномъ хозяйствѣ есть согласное съ научными правилами примѣненіе пріемовъ, которые служатъ и должны служить успѣхамъ познанія народнаго хозяйства, которые должны способствовать начертанію полной картины народнаго хозяйства въ пространствѣ и времени, мѣрѣ и исторической послѣдовательности, должны помочь подчинить народнохозяйственныя явленія сравнивающему и различающему мышленію, подвести ихъ подъ одну общую систему понятій, классифицировать ихъ и объяснить ихъ, какъ одно связное цѣлое.

Методъ всякой отдѣльной науки опредѣляется: во-первыхъ, тою точкой зрѣнія, которой вообще достигло въ это время искусство познаванія, т.-е. состояніемъ въ данное время теоріи познанія и общей методологіи, которая въ основныхъ чертахъ можетъ быть лишь одна для всего человѣческаго мышленія и познаванія; такъ напримѣръ, примѣненіе эмпирическаго наблюденія, котораго впервые съ энергіею сталъ

требовать Бэконъ, оказало большое вліяніе почти на всѣ науки; на всѣ почти науки повліяла и гегелевская діалектика — во всякомъ случаѣ и на науки о государствѣ и о народномъ хозяйствѣ.

Во-вторыхъ, методъ этотъ опредѣляется спеціальною природой предмета, подлежащаго изслѣдованію; какъ математика пользуется иными пріемами, чѣмъ физика, физика — иными, чѣмъ физіологія, такъ гуманитарныя науки въ цѣломъ имѣютъ методы, отличные отъ наукъ естественныхъ, а между ними психологія—опять-таки отличные отъ наукъ государственныхъ и общественныхъ. Чѣмъ сложнѣе какая-либо область знанія, чѣмъ больше входитъ въ нее явленій простѣйшаго рода, тѣмъ чаще предъявляется требованіе, чтобы методы изслѣдованія болѣе простыхъ изъ входящихъ въ нее явленій дѣлались въ то же время частными методами этой области. До извѣстной степени это требованіе справедливо. Естественно-научные и математическіе методы—необходимое вспомогательное средство во многихъ народнохозяйственныхъ вопросахъ, психологическіе—необходимы во всѣхъ гуманитарныхъ наукахъ. Но такъ какъ, по ограниченности человѣческаго ума, равномѣрно владѣть всѣми науками и ихъ методами невозможно, то усвоеніе спеціальныхъ методовъ собственной науки все же всегда остается главною задачей. И именно общественныя и государственныя науки особенно часто страдали отъ примѣненія къ нимъ односторонихъ естественно-научныхъ методовъ. Гораздо тѣснѣе, разумѣется, связь между науками гуманитарными. Въ частности наука о народномъ хозяйствѣ примѣняетъ методы подобные или тождественные съ цѣлымъ рядомъ гуманитарныхъ наукъ, такъ какъ ей приходится обработывать тотъ же или подобный матеріалъ, имѣть дѣло съ тѣми же причинами.

Въ-третьихъ, примѣняемый въ данное время въ данной наукѣ методъ зависитъ отъ степени развитія, которой наука достигла. Познаніе начинается всегда съ полуистинъ и поспѣшныхъ обобщеній; лишь мало-по-малу пріемы познаванія совершенствуются. На первый планъ при этомъ выступаютъ то наблюденіе и описаніе, то классификація, то объясненіе причинъ. Можно было бы сказать, что все великое историческое развитіе человѣческаго познанія всегда сводилось къ борьбѣ двухъ элементовъ этого развитія—эмпиріи и раціональной обработки эмпирическаго матеріала (раціонализма); за эпохою утонченной эмпиріи всегда слѣдовало время болѣе высокаго раціональнаго пользованія эмпирическимъ. На первый планъ такимъ образомъ по очереди выступаютъ операціи, служащія тому или другому элементу. Полная побѣда раціонализма могла бы имѣть мѣсто лишь тогда, когда было бы достигнуто полное познаніе міра.

Методъ какой-либо отдѣльной науки разсматривается и излагается частію въ теоріи познанія и методологіи вообще, въ качествѣ ихъ составной части, какъ для нашей области это сдѣлано Дж. Ст. Миллемъ, Зигвартомъ, Вундтомъ, частію во вступительныхъ главахъ учебниковъ этой науки, какъ напр. у А. Вагнера, или же, подобно другимъ спеціальнымъ частямъ науки, онъ является предметомъ спеціальныхъ трактатовъ, рѣчей и монографій, какъ мы это видимъ въ работахъ Кернса, Менгера, Рюмелина, Кэнса и др.

Собранія правилъ и религіозныя системы какъ начатки всей соціальной науки.

Уже въ самыя раннія времена связь поколѣній дѣлала то, что отецъ внушалъ сыну правила дѣйствованія, которыя самъ частію получилъ отъ другихъ, частію испыталъ на собственномъ опытѣ. Чѣмъ болѣе накоплялись техническія свѣдѣнія, вырабатывались нравы и обычаи, создавались и требовали исполненія обряды и законоположенія, тѣмъ болѣе всѣ эти правила, для большей легкости запоминанія, фиксировались въ поговоркахъ и пѣсняхъ, передавались въ риѳмованной и нериѳмованной формѣ, наконецъ, съ появленіемъ письменности, записывались. Такъ возникли, сначала въ рукахъ служителей религіи, а затѣмъ и внѣ этой среды, тѣ различнѣйшія собранія правилъ—сборники врачебныхъ рецептовъ, техническихъ предписаній, обрядовыхъ, правовыхъ и нравственныхъ правилъ, какими въ древности являются десять заповѣдей и другія собранія, въ средніе вѣка leges barbarorum, покаянныя книги, технические сборники монастырей и цеховъ, позднѣе—травники и цвѣтники и, въ извѣстномъ смыслѣ, большая часть всей старѣйшей камералистической литературы. Цѣль всей этой дѣятельности—сохраненіе и передача правилъ какъ практически-техническихъ, такъ и правилъ соціальнаго, нравственнаго и общественнаго поведенія; отсюда—сборники и кодексы религіозные, нравоучительные, правовые и моральные, наконецъ практически - техническіе. Они вновь и вновь переписываются, видоизмѣняются и постепенно получаютъ новыя толкованія. Они не представляютъ еще науки, но являются уже зачатками ея. Исключительная цѣль ихъ—предписывать людямъ должное, какъ оно

установлено традиціей. Они основаны на житейскомъ опытѣ, но не на немъ одномъ. Всѣ человѣческія дѣйствія стимулируются чувствами удовольствія и страданія и связанными съ ними влеченіями. Но подъ вліяніемъ дѣятельности разсудка, самообладанія, высшихъ чувствъ съ одной стороны, общественной среды и ея цѣлей съ другой — возникаетъ ритуальное упорядоченіе и формированіе инстинктивной жизни, возникаютъ нравы, понятіе должнаго, власть совѣсти, представленіе объ одобрительныхъ и неодобрительныхъ дѣйствіяхъ. Это—внутренній процессъ, результаты котораго извнѣ закрѣпляются страхомъ передъ духами и богами, страхомъ общественнаго порицанія и отлученія, мщенія и наказанія, вообще какъ бы извѣстнымъ общественнымъ давленіемъ. И эти старѣйшія правила, имѣющія цѣлью какъ благо индивидуума, такъ и благо общества, тоже содержатъ уже и эмпирическіе, и раціональные элементы; они основываются не только на грубыхъ причинныхъ представленіяхъ о вмѣшательствѣ духовъ и боговъ, о природѣ и небѣ, о процессахъ жизни и умиранія, о смерти и снѣ, которыя они по своему соглашаютъ, но и на тѣхъ нормативныхъ сужденіяхъ, которыя съ этими представленіями связаны. Правда и неправда перемѣшаны въ нихъ, но во всякомъ случаѣ они постоянно стремятся къ теоретическому и практическому единству и согласію.

Стремленіе это вытекаетъ изъ человѣческаго самосознанія. Въ вѣчной смѣнѣ чувствъ, представленій, мыслей и побужденій связующимъ моментомъ является отнесеніе всѣхъ этихъ процессовъ къ единому я. Въ немъ, какъ въ общемъ фокусѣ, душевныя событія концентрируются, связываются въ одно цѣлое; этому цѣлому подчиняется все единичное. Какъ въ области практической у насъ

есть непреодолимая потребность согласовать между собой всѣ практическія правила нашего дѣйствованія, чтобы не впадать въ тягостное противорѣчіе съ самими собой, такъ же изъ единства самосознанія возникаетъ и непреодолимое теоретическое стремленіе сводить все наблюденное и пережитое къ извѣстнымъ высшимъ представленіямъ, включать все это въ качествѣ составныхъ частей въ одно цѣлое. Наше мышленіе и наша совѣсть лишь тогда чувствуютъ себя удовлетворенными, когда они найдутъ такую объединяющую точку зрѣнія, теоретически-практическую одновременно, которая давала бы намъ извѣстное представленіе о мірѣ и его сущности и о цѣляхъ нашего существованія. Изъ единства самосознанія вытекаетъ то, что человѣкъ стремится и къ единому міросозерцанію, которое, въ силу привходящихъ въ него нормативныхъ сужденій, всегда содержитъ въ себѣ и извѣстный жизненный идеалъ.

Въ болѣе раннія времена это достигается исключительно въ формѣ космогоническихъ представленій, съ которыми связана вѣра въ духовъ и боговъ, т.-е. въ формѣ религіозной вѣры, которая даетъ природѣ и жизни человѣка одно общее объясненіе, а всѣ правила дѣйствованія истолковываетъ какъ заповѣди боговъ. Множественность боговъ въ свою очередь стремится къ единству, пока, наконецъ, не возникаетъ вѣра въ одно высшее всемогущее и всевѣдущее существо, которое и мыслится какъ причина міра и какъ источникъ всего добраго и идеальнаго. Даже чисто внѣшнія и практическія правила толкуются какъ заповѣди божіи или какъ выводы изъ этихъ заповѣдей. Религіозные и церковные уставы этихъ отдаленныхъ временъ суть въ то же время важнѣйшія орудія соціальной, политической и хозяйственной организаціи. Въ относительно малыхъ общественныхъ союзахъ только ре-

лигія могла вносить единство во всѣ области жизни и всѣ ихъ проникать.

Религіозное ученіе все объясняетъ и всѣмъ руководитъ; оно—первая попытка раціональнаго объясненія всего существующаго и практическаго руководства всѣмъ происходящимъ. Оно не заключаетъ въ себѣ никакихъ элементовъ знанія въ позднѣйшемъ смыслѣ; но оно даетъ человѣку цѣлостное пониманіе вещей, вѣру, которая успокоиваетъ наивное раздумье, властвуетъ надъ чувствомъ, научаетъ находить доброе, ясно и отчетливо предписываетъ должное. Вѣра эта основывается на смутныхъ еще образахъ внѣшняго міра, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на все болѣе и болѣе ясномъ пониманіи человѣческой души, ея силъ и стремленій. Этотъ внутренній опытъ есть старѣйшая и вѣрнѣйшая часть человѣческаго познанія.

Системы морали.

Сотни и тысячи лѣтъ живутъ такъ народы. Носителями прогресса являются тѣ изъ нихъ, которые вырабатываютъ высшія религіозныя системы, лучше регулирующія человѣческія влеченія и приносящія съ собою лучшій общественный порядокъ, чѣмъ въ свою очередь обусловливается движеніе впередъ въ познаваніи природы и человѣка. Познаваніе это сводится къ тому, чтобы, взявши частное явленіе отдѣльно, само по себѣ, отыскать его причины. Но процессъ познаванія съ самаго начала различенъ, смотря по тому, является ли его предметомъ природа или человѣческая жизнь. Передъ природою человѣкъ стоитъ какъ ей чуждый; наблюдать, изслѣдовать, постигать дотолѣ непонятныя ему причины онъ можетъ здѣсь, лишь медленно пробиваясь впередъ. Передъ жизнью

души, передъ человѣкомъ, семьей, государствомъ нашъ интеллектъ стоитъ какъ имъ близкій; онъ внутреннимъ образомъ понимаетъ происходящее, онъ переживаетъ его въ себѣ самомъ; стремясь познать и анализируя для этого частное, онъ постоянно болѣе или менѣе видитъ и цѣлое, онъ владѣетъ имъ. Отсюда — извѣстный историческій выводъ, справедливо выставляемый на видъ Дильтеемъ (Dilthey), что въ области психологической, этической и политической нѣкоторая высота познанія достигнута была раньше, чѣмъ въ области природы. По крайней мѣрѣ то, чему въ этихъ областяхъ учили греки, гораздо ближе къ нашимъ теперешнимъ ученіямъ, чѣмъ ихъ знаніе природы къ нашему.

Первые крупные успѣхи всякаго эмпирическаго знанія приходятся на эпоху, когда традиціонныя религіозныя системы начинаютъ колебаться. Измѣнившіяся жизненныя условія расшатываютъ освященныя стариною правила поведенія и общежитія. Вмѣстѣ съ сомнѣніемъ въ старыхъ космогоническихъ представленіяхъ нараждается потребность въ болѣе глубокомъ или иномъ объясненіи міра и въ иномъ обоснованіи понятія должнаго; въ предписаніяхъ обычая, права и морали люди не хотятъ больше видѣть только заповѣди божіи, но хотятъ найти имъ объясненіе въ ихъ цѣляхъ и причинахъ. Возникаютъ физико-философскія системы объясненія міра и моральныя системы; эти послѣднія являются собственно первыми попытками науки объ общежительномъ человѣкѣ. Но метафизическія системы мірообъясненія и системы этическія—обыкновенно слитыя воедино—сначала еще далеко не свободны отъ характеристическихъ чертъ старыхъ религіозныхъ системъ. Этого не допускаютъ ни скудость знанія, на которомъ онѣ построены, ни, тѣмъ менѣе, ихъ практическая цѣль. Гре-

ческая этика и большая часть позднѣйшихъ этическихъ системъ до самаго новѣйшаго времени гораздо болѣе стремились поучать тому, что̀ есть должное, проповѣдывать идеалы, чѣмъ отыскивать причины совершающагося. Поэтому, хотя онѣ и вбираютъ въ себя все въ большей мѣрѣ эмпирическій матеріалъ психологическихъ, общественныхъ и иныхъ фактовъ, все же главное для нихъ это— найти общій отправный пунктъ обязанности, объясненіе сознанія долга. Достигнуть этого онѣ могутъ только путемъ, идущимъ посединѣ между вѣрою и знаніемъ. Интуитивно, синтетически, съ помощью фантазіи онѣ стремятся составить себѣ картину міра и мірового управленія, принциповъ и идей, господствующихъ въ мірѣ, его развитія, а также картину связи всѣхъ человѣческихъ судебъ съ міромъ и его центромъ, картину цѣли и будущности человѣческой жизни. Для этого онѣ пользуются эмпирическимъ знаніемъ міра, насколько оно имѣется въ ихъ распоряженіи, тамъ же, гдѣ его не достаетъ, онѣ поступаютъ телеологически, т.-е., отправляясь отъ картины цѣлаго, онѣ стремятся постигнуть единичное въ его цѣлесообразномъ служеніи этому цѣлому, стремятся подвести, посредствомъ рефлективныхъ сужденій, матеріалъ подъ общія точки зрѣнія, какъ намъ это ближе разъяснилъ Кантъ въ своей Критикѣ способности сужденія. Всѣ выдающіеся философы послѣ него допускали, что телеологіею не только приходится, но и слѣдуетъ пользоваться какъ законнымъ принципомъ рефлексіи, какъ гевристическимъ вспомогательнымъ средствомъ, что она должна быть символизирующимъ дополненіемъ эмпирической науки. Это — попытка истолкованія цѣлаго и его цѣлей. Представленіе, что міръ есть нѣчто единое, что въ природѣ и исторіи существуетъ постепенность, прогрессъ, совершен-

ствованіе, развитіе, главнымъ образомъ и создается этимъ именно путемъ.

Телеологическое истолкованіе есть важнѣйшій способъ умственнаго объединенія въ одно цѣлое такой суммы явленій, въ которой внутренняя причинная связь частей намъ еще неизвѣстна. Оно въ томъ отношеніи родственно систематическому разсмотрѣнію, что и это послѣднее также стремится привести къ единству извѣстную сумму явленій или истинъ; но здѣсь объединяющею идеею не должна непремѣнно быть идея цѣли, и притомъ систематизація заключаетъ въ себѣ еще ту дальнѣйшую мысль, что всѣ отдѣльныя части цѣлаго представлены въ той самой послѣдовательности, какая соотвѣтствуетъ сходству ихъ важнѣйшихъ свойствъ.

Этическія построенія потому особенно и нуждаются въ телеологіи, что всѣ нравственныя оцѣнки вытекаютъ изъ чувствъ и представленій, относящихся къ общему содержанію и къ общей цѣли человѣческой жизни.

Телеологическія идеи и этическія системы имѣютъ свою исторію, онѣ съ теченіемъ времени стали благороднѣе и чище. Но положенія ихъ, по крайней мѣрѣ большая часть этихъ положеній, не представляютъ собою истины, которая равно подчиняла бы себѣ каждаго. Всегда возможно совмѣстное существованіе различныхъ міровоззрѣній, которыя въ той же мѣрѣ расходятся между собою, какъ и различные темпераменты; уже одно различіе оптимистическаго и пессимистическаго взглядовъ всегда будетъ приводить къ различнымъ результатамъ. Реализмъ и идеализмъ, античный и христіанскій образъ мыслей, аристократическіе и демократическіе принципы и всѣ прочія великія противоположности мысли всегда будутъ создавать различныя картины міра и различное міропониманіе, а вмѣстѣ съ

тѣмъ и различные жизненные идеалы; различіе возможныхъ представленій о Богѣ и загробной жизни, о прогрессѣ или регрессѣ въ ходѣ исторіи всегда должно вести и къ неодинаковости сужденій обо всѣхъ обязанностяхъ и дѣйствіяхъ. Эти различныя возможности понимать міръ въ его цѣломъ и создали рядъ различныхъ философскихъ и этическихъ, борющихся между собою, системъ, которыя теперь самостоятельно существуютъ одна наряду съ другой и будутъ такимъ же образомъ существовать и впредь. Онѣ лишь въ той же мѣрѣ приблизились одна къ другой, какъ и высшія религіозныя системы: успѣхи психологическаго познанія человѣка, успѣхи познанія природы и исторіи устранили крайнія воззрѣнія, и этика начала все въ большей и большей мѣрѣ становиться опытною наукой о существующемъ, изъ которой отдѣльныя части могли, наконецъ, выдѣлиться, какъ особыя науки о государствѣ, о правѣ, о народномъ хозяйствѣ.

Но въ основныхъ чертахъ этическія системы все же сохранили сходство съ религіозными; онѣ зиждутся на извѣстной вѣрѣ, на томъ, что извѣстные послѣдніе принципы прямо принимаются за истину. Эта увѣренность въ истинности извѣстныхъ принциповъ, при данныхъ реальныхъ и психологическихъ условіяхъ, возникаетъ у одинаковыхъ или сходныхъ людей съ тою же необходимостью, какъ возникаетъ знаніе въ сферѣ опыта; это—принятіе за истину послѣднихъ вещей, отъ котораго равно несвободны матеріалистъ, теистъ и христіанинъ. И именно потому, что дѣло идетъ здѣсь о послѣднихъ вещахъ, о высшихъ принципахъ, это принятіе ихъ за истину создаетъ такую энергію воли, какой эмпирическое познаніе дать не въ состояніи. Это — такая увѣренность, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ дѣйствовать, а отдѣльныхъ людей побуждаетъ приносить въ

жертву своимъ принципамъ все, иногда и самую жизнь. Увѣренность, которую новыя пламенныя практическія системы религіозной или моральной вѣры сообщаютъ отдѣльному человѣку или цѣлымъ человѣческимъ группамъ и народамъ, конечно, носитъ характеръ субъективный, но зато она движетъ міромъ, частію потрясая его и разрушая, частію обновляя и созидая. Принципы, стоящіе въ центрѣ, во времена своего возникновенія и сильнѣйшаго вліянія, бываютъ не введены еще въ границы, еще не размежеваны съ другими равноправными принципами и съ дѣйствительностью. Въ этомъ видѣ, безмѣрно преувеличиваемые, они производятъ цѣлые перевороты, но вмѣстѣ съ тѣмъ они являются и необходимымъ условіемъ всякой новой эпохи, всякихъ новыхъ, высшихъ формъ общества.

Мы позволимъ себѣ прибавить къ сказанному еще два замѣчанія, имѣющія методологическое значеніе.

То, что въ этическихъ системахъ называютъ высшими принципами, ихъ послѣдніе идеалы суть представленія о томъ, къ чему должны всегда направляться добрая воля и чувство долга. По большей части рядомъ стоятъ нѣсколько такихъ идей, находящихся между собою въ отношеніи подчиненія, равенства или взаимнаго ограниченія. Но очень часто какая-либо одна выдвигается впередъ, какъ господствующая, причемъ ея выводы переносятся на всѣ области. Таковы идеи личной свободы и общественнаго порядка, идеи справедливости и прогрессивнаго совершенствованія личности и общества, идея равенства, идея самоотверженнаго пожертвованія собою за всѣхъ. Это—абстрактныя цѣли, ни одною изъ которыхъ нельзя безъ злоупотребленія и преувеличенія исключительно руководствоваться въ практической жизни. Всякая свобода въ то же время предполагаетъ порядокъ, всякое равенство—различіе въ интере-

сахъ цѣлаго и въ видахъ прогресса. Кто, какъ это часто дѣлается нынѣ въ политическихъ и народнохозяйственныхъ разсужденіяхъ, возводитъ свободу, или справедливость, или равенство, взятыя отдѣльно, въ верховный принципъ, изъ котораго будто бы можно съ неумолимой логической строгостью дедуктивно дѣлать выводъ, какъ слѣдуетъ поступать, тотъ совершенно заблуждается относительно истинной природы этихъ этическихъ постулатовъ. Они—путеводныя звѣзды и конечныя точки, которыя виднѣются вдали дѣйствующему человѣку, которыя въ правильной комбинаціи указываютъ ему должное и даютъ побужденіе и силу для того, чтобы исполнять это должное, которыя, обратившись въ природныя свойства, сообщаютъ его душѣ достоинство и характеръ; но они не представляютъ собою эмпирическихъ истинъ, изъ которыхъ можно было бы силлогистически дѣлать дальнѣйшія заключенія.

Если такимъ образомъ слѣдуетъ предостеречь отъ злоупотребленія, къ которому легко даютъ поводъ этическія системы, то съ другой стороны слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что хотя эти системы всегда возникаютъ черезъ посредство синтеза, связывающаго въ одно цѣлое элементы нашего познанія и нашей вѣры, однако отнюдь не всякое соединеніе отдѣльныхъ частей познанія въ одно цѣлое есть и должно оставаться проблематичнымъ. Синтезъ, которымъ хотятъ объяснить міръ и его исторію, какъ единое цѣлое, конечно, всегда останется спорнымъ. Но синтезъ, охватывающій, какъ одно цѣлое, отдѣльный народъ, отдѣльную эпоху, отдѣльную человѣческую жизнь, отправляющійся отъ богатаго опыта, синтезъ, въ которомъ полное знаніе предмета связано съ художнической интуиціей, можетъ въ такой степени приблизиться къ дѣйствительному познанію, что для нашихъ цѣлей онъ будетъ съ

таковымъ совпадать. Какъ во всѣхъ гуманитарныхъ наукахъ, такъ и въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ, пріемъ такого рода законенъ и необходимъ.

Системы или общія теоріи государства, права и народнаго хозяйства.

По мѣрѣ того, какъ общественная жизнь становилась сложнѣе, а раздѣленіе труда создавало особыя профессіи, и въ этихъ особыхъ профессіональныхъ сферахъ накоплялось спеціальное знаніе, которое въ видѣ цѣлой системы или по частямъ разрабатывалось спеціалистами, возникали отдѣльныя науки о государствѣ, о правѣ, о народномъ хозяйствѣ. Науки эти съ самаго начала имѣли свой конкретный матеріалъ, заключающійся въ извѣстной суммѣ отдѣльныхъ наблюденій, сужденій, истинъ; но главнымъ образомъ онѣ, — особенно въ началѣ или когда разработка ихъ попадала въ руки философовъ, моралистовъ, радѣтелей о народномъ счастіи, — искали себѣ цѣльной систематической формы и послѣднихъ верховныхъ принциповъ, изъ которыхъ можно было бы выводить отдѣльныя правила дѣйствованія. Такимъ образомъ, и выдѣлившись изъ этики, онѣ все же оставались частями моральныхъ системъ, такъ какъ опирались на извѣстное опредѣленное міровоззрѣніе. Такъ слагались различныя теоріи государства и права, различныя теоріи народнаго хозяйства, которыя частію возникали одновременно и между собою боролись, частію, по-очереди усиливаясь и ослабѣвая въ своемъ вліяніи, другъ друга смѣняли. Теоріи эти въ томъ отношеніи сходны со всѣми религіозными и моральными системами, что ни одна изъ нихъ не представляетъ собою полной истины, а въ своихъ высшихъ принципахъ

ни одна не заключаетъ неопровержимаго познанія. Только въ своей совокупности онѣ приближаются къ таковому. Это—лишь предварительныя попытки создать изъ отрывковъ нашего познанія одно цѣлое, чтобы получить возможность выставлять согласованные между собою идеалы и регулировать практическую жизнь.

Такъ, съ эпохи софистовъ и со времени великой средневѣковой распри между императоромъ и папой, политическую и правовую жизнь направляли противоположныя другъ другу теоріи о государствѣ: однѣ выводятъ государство изъ договора индивидуумовъ, другія изъ божественнаго порядка и объективныхъ силъ. Такъ мы, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ сколько-нибудь значительная народнохозяйственная литература, имѣемъ теоріи консервативныя, либеральныя, ультрамонтанскія и соціалистическія, которыя соотвѣтствуютъ различнымъ принципіальнымъ точкамъ зрѣнія въ вопросѣ о государствѣ, въ этикѣ и философіи. Онѣ различаются между собою главнымъ образомъ идеалами хозяйственной морали, соціальной и хозяйственной политики и, періодически появляясь и пріобрѣтая вліяніе или даже господство, онѣ сами становятся важными элементами и факторами развитія. Вліяніе, ими оказываемое, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше онѣ умѣютъ съ одной стороны отдавать себя служенію великимъ, оправдываемымъ обстоятельствами эпохи, интересамъ и теченіямъ, съ другой—усвоивать себѣ успѣхи дѣйствительнаго, основаннаго на опытѣ, познанія народнохозяйственныхъ явленій.

Экономическія теоріи среднихъ вѣковъ всѣ покоятся на христіанствѣ и христіанской морали, на ученіи о justum pretium и о ростѣ. Государственно-хозяйственныя теоріи XVI—XVIII вѣковъ, которыя обозначаются общимъ именемъ меркантилизма, въ большинствѣ возникли изъ міросозер-

ціи, которое опиралось на идеи позднѣйшей римской имперіи и римскаго права и въ центрѣ котораго стоятъ абсолютистическія идеи Макіавелли, Бодина, Гоббса, Пуфендорфа и Христіана Вольфа. Идеаломъ ихъ является государствообразованіе того времени. Какъ отдѣльныя земельныя владѣнія, города, округа, территоріи мало-помалу подчиняются одному государю, одному закону, одному управленію, такъ же и отдѣльныя хозяйства должны слиться въ одинъ рынокъ, должны быть связаны правильными сношеніями, раздѣленіемъ труда и однообразнымъ денежнымъ обращеніемъ; важнѣйшимъ средствомъ для этого является хорошая монетная система, оживленное денежное обращеніе; экспортирующія отрасли промышленности, колоніи, внѣшняя торговля, горное дѣло создаютъ денежный избытокъ и крупный денежный оборотъ; находящіяся въ странѣ деньги не должны быть изъ нея отпускаемы; все національное хозяйство должно быть охвачено таможенными барьерами, которые косвенно вліяютъ на торговлю и промышленность и ихъ направляютъ; къ другимъ странамъ государство относится враждебно, борется съ ними за сбытъ, за колоніи, за торговое преобладаніе; народъ считается инертною массой, которая должна быть руководима государственнымъ человѣкомъ, должна быть побуждаема къ движенію впередъ. Въ этихъ тезисахъ много вѣрныхъ и немало ложныхъ наблюденій и сужденій, но, главнымъ образомъ, въ этой теоріи мы видимъ исторически и практически оправдываемыя теченія того времени; на почвѣ односторонняго міровоззрѣнія, односторонняго государственнаго ученія и практикѣ предъявлялись адэкватные идеалы.

Естественная школа народнаго хозяйства, основанная физіократами и Адамомъ Смитомъ, отправлялась отъ идей

естественно-научныхъ и естественно-правовыхъ. Ей народное хозяйство представляется естественною гармоническою системой индивидуальныхъ, эгоистически дѣйствующихъ силъ, изъ взаимодѣйствія которыхъ теистическій оптимизмъ сумѣлъ вывести лишь благопріятныя послѣдствія. Это была теорія, которая проповѣдывала идеалы индивидуализма и либерализма, государство считала почти излишнимъ, всякаго государственнаго человѣка—бездѣльникомъ, а на знамени своемъ выставила устраненіе всѣхъ средневѣковыхъ установленій. Теорія эта точно такъ же служила великой практической потребности реформъ, какъ нѣкогда меркантилизмъ, а въ новѣйшее время соціализмъ.

Эта послѣдняя теорія зиждется на матеріалистической преувеличенной оцѣнкѣ внѣшнихъ благъ и внѣшняго благоденствія, на отрицаніи иного міра, на непониманіи интимнѣйшей стороны человѣческой природы. Но она идетъ навстрѣчу великимъ практическимъ потребностямъ времени, стремленію къ демократическимъ формамъ, къ равенству, къ техническому прогрессу, къ государственной централизаціи. Въ соціалистическомъ міровоззрѣніи есть нѣкоторые элементы, общіе съ эпохою просвѣщенія,—таковы политическій радикализмъ, превознесеніе республики, стремленіе заключить міръ общественности въ логическія категоріи,—и другіе, общіе съ философіей XIX в.: его философія исторіи заимствована у Гегеля и Фейербаха. Вся національная экономія соціализма почерпнута изъ односторонняхъ абстракцій Рикардо. Идеалъ соціализма — устраненіе неравенства имуществъ и доходовъ, уничтоженіе всякаго классоваго господства, а по возможности и всѣхъ классовыхъ различій; подъемъ и поддержка трудящихся классовъ—вотъ та законная цѣль, которой онъ служитъ, и на этомъ пути онъ достигъ уже многаго. Соціалистиче-

ское ученіе представляетъ естественную реакцію противъ односторонности естественной школы свободной конкурренціи; оно въ такой же мѣрѣ служитъ интересамъ третьяго класса, какъ та поддерживала средній классъ. Но въ общемъ оно не менѣе односторонне, и хотя имъ вызвано много новыхъ изслѣдованій, но самое ядро его по меньшей мѣрѣ столь же далеко отъ болѣе глубокаго познанія, какъ и предшествовавшее ему ученіе манчестерцевъ. Въ методологическомъ отношеніи оно, пожалуй, даже превзошло раціоналистическія заблужденія послѣднихъ.

Но и менѣе крайнія современныя теоріи и системы народнохозяйственной науки и соціальной политики до извѣстной степени, именно поскольку онѣ выставляютъ себя законченнымъ цѣлымъ и, исходя изъ этой законченности, указываютъ идеалы для будущаго, всегда необходимо отправляются отъ того или иного міровоззрѣнія, отъ совершенно индивидуальнаго представленія о міровомъ и историческомъ развитіи. Только тотъ, кто создалъ себѣ по отношенію къ великимъ институтамъ государства, частнаго права, хозяйственной организаціи извѣстную конкретную картину всей ихъ эволюціи, можетъ говорить о томъ, куда направится и должно направиться будущее. А такая картина въ извѣстномъ смыслѣ всегда субъективна; во всякомъ случаѣ она всегда дополнена конструктивными представленіями фантазіи и по большей части основана на телеологическихъ соображеніяхъ. Какъ бы высоко ни стояли отдѣльные теоретики, сколь бы ни сознавали они себя свободными отъ всякихъ классовыхъ и партійныхъ интересовъ, которые и со своей стороны тоже выставляютъ собственныя національно-экономическія теоріи,—въ той мѣрѣ, поскольку эти теоретики занимаются практической политикой и выставляютъ практическіе идеалы дѣя-

тельности, они отправляются отъ извѣстной вѣры, отъ индивидуальнаго міросозерцанія, и ученія ихъ, сколько бы ни заключали они въ себѣ настоящей науки, не въ состояніи одинаково убѣдить всѣхъ въ своей истинности. Это въ такой же мѣрѣ можно утверждать о государственно-соціалистическихъ идеалахъ А. Вагнера, какъ и о построенныхъ на идеѣ рабочихъ союзовъ идеалахъ Брентано, объ умѣренныхъ преобразовательныхъ планахъ общества соціальной политики, столь же какъ и о радикальныхъ планахъ англійскихъ Фабіевъ.

И не только идеалы будущаго и претендующія на цѣльность системы подлежатъ этому ограниченію; на той же почвѣ стоятъ и всѣ сужденія о великихъ историческихъ явленіяхъ, объ образованіи и паденіи государствъ, о соціальныхъ революціяхъ, о хозяйственномъ и иномъ культурномъ прогрессѣ или регрессѣ, хотя бы они и опирались на возможно точное знаніе частностей; всѣ они составлены при помощи дедукцій изъ посылокъ телеологическаго характера, изъ такихъ картинъ міра и исторіи, которыя слагаются различно, смотря по міровоззрѣнію и личнымъ свойствамъ ихъ автора. Они всегда заключаютъ въ себѣ не болѣе какъ приближенныя величины, предварительныя попытки; въ нихъ не содержится того критерія истины, котораго требуетъ настоящая наука,—именно, чтобы всѣ изслѣдователи приходили къ одному и тому же результату.

Къ этой великой цѣли, полученію истинъ неопровержимыхъ, стремится болѣе строгая наука; въ областяхъ болѣе простого сочетанія явленій она и достигаетъ ея. Она тѣмъ болѣе приближается къ этой цѣли, чѣмъ больше предварительно ограничивается изслѣдованіемъ единичнаго; но чѣмъ больше она этимъ ограничивается, тѣмъ больше ей приходится отказываться отъ того, чтобы выставлять

какіе-либо идеалы, чтобы учить о томъ, что должно существовать, потому что понятіе должнаго всегда вытекаетъ лишь изъ связи цѣлаго. Но если болѣе строгая наука и въ нашей области начинаетъ требовать извѣстнаго самоограниченія, требовать, чтобы предварительно только объясняли, какъ явленія произошли, то она все же не теряетъ надежды, что она служитъ лучшему будущему порядку человѣческой жизни, пролагаетъ пути высшему виду исполненія долга и высшему понятію о должномъ. Она только хочетъ, въ смыслѣ законнаго раздѣленія труда, предварительно ограничиться однимъ познаваніемъ, тѣмъ болѣе, что въ области государственной и соціальной науки надежда подкрѣпить тѣмъ или другимъ изслѣдованіемъ какое-либо субъективное пониманіе должнаго еще въ бо́льшей степени, чѣмъ гдѣ-либо, постоянно нарушала объективность научныхъ пріемовъ. Поэтому можно принципіально соглашаться, что послѣдняя цѣль всякаго познанія—практическая, что хотѣніе всегда упреждаетъ интеллектъ, направляетъ его и остается его властелиномъ, что всякій успѣхъ познанія самъ—актъ воли; можно допускать и то, чтобы въ извѣстныхъ педагогическихъ цѣляхъ преподаваніе, а въ особенности преподаваніе практической національной экономіи и финансовой науки, связывало объясненіе существующаго съ указаніями на вѣроятное будущее развитіе и на преимущества того или другого вида развитія; и все же, въ интересѣ именно чисто научнаго прогресса, можно считать болѣе правильнымъ пока, сколько возможно, ограничить научныя изслѣдованія на почвѣ болѣе строгихъ методовъ только тѣмъ, чтобы 1) правильно наблюдать явленія, 2) опредѣлять и классифицировать ихъ и 3) объяснять ихъ причины.

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы кратко разсматри-

ваемъ эти три умственныя операціи одну за другой; но это отнюдь не значитъ, чтобы онѣ могли производиться совершенно раздѣльно, каждая сама по себѣ, и только въ приведенной послѣдовательности; напротивъ, онѣ постоянно переходятъ одна въ другую. Первый же шагъ наблюденія уже предполагаетъ правильныя названія и классификацію; всякое хорошее наблюденіе даетъ и объясненія причинъ. Но все же, простое наблюденіе есть начало, а исчерпывающее причинное объясненіе — конецъ научной операціи.

Наблюденіе и описаніе вообще.

Наблюдать народнохозяйственныя явленія значитъ установлять мотивы данныхъ хозяйственныхъ дѣйствій и ихъ послѣдствія, теченіе этихъ послѣдствій и ихъ вліяніе. Мотивы нашихъ дѣйствій познаются нами прямымъ наблюденіемъ нашей собственной душевной жизни; отъ себя мы заключаемъ и къ другимъ. Что происходитъ въ окружающемъ насъ мірѣ, мы узнаемъ чрезъ впечатлѣнія нашихъ чувствъ, которыя мы истолковываемъ и понимаемъ какъ нѣчто существующее объективно. Изъ этихъ двухъ источниковъ воспріятія происходитъ все наше опытное знаніе. Но прежде, чѣмъ мы научились правильно наблюдать себя и міръ, потребовались тысячи лѣтъ развитія нашего познаванія. И по сіе время мы не можемъ не противопоставлять всякому наблюденію сомнѣнія въ томъ, вѣрно ли оно, не рисуютъ ли намъ ложныхъ образовъ субъективное заблужденіе, несовершенное видѣніе, сангвиническая торопливость, неопытность, предразсудки и заинтересованность. Мы только тогда убѣждаемся, что наблюдали вѣрно и научно пригодно, если и мы сами при повторномъ наблюденіи того же предмета, и различные другіе наблюдатели

постоянно снова приходимъ все къ тому же, если изъ результата устранено, слѣдовательно, всякое субъективное вліяніе.

Всякое наблюденіе выдѣляетъ изъ хаоса явленій какое-либо одно, чтобы разсматривать его отдѣльно. Наблюденіе всегда основывается на отвлеченіи; оно анализируетъ лишь часть цѣлаго. Чѣмъ часть эта меньше, чѣмъ она изолированнѣе, тѣмъ дѣло легче. Наблюденіе должно быть исчерпывающимъ, полнымъ, точнымъ, должно открывать всѣ доступныя воспріятію свойства предмета, должно содержать точныя опредѣленія величинъ, времени, пространства; оно должно установить тождество и сходство явленія съ родственными ему и различіе его отъ противоположныхъ явленій. Въ области естественныхъ наукъ наблюденіе очень облегчается относительною простотой элементарныхъ явленій природы; къ этому присоединяется и то, что естествоиспытатель можетъ по своему усмотрѣнію измѣнять обстановку явленія и одновременно дѣйствующія причины, иначе говоря—экспериментировать, и такимъ образомъ легче можетъ охватить предметъ со всѣхъ сторонъ. Это не только лишь въ рѣдкихъ случаяхъ возможно при народнохозяйственныхъ явленіяхъ, но послѣднія всегда—даже въ простѣйшей ихъ формѣ — гораздо болѣе сложны, зависятъ отъ различнѣйшихъ причинъ и находятся подъ вліяніемъ цѣлаго ряда сопутствующихъ условій. Возьмемъ, напр., подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ или рабочей платы, перемѣну курса, или торговый кризисъ, или какое-либо усовершенствованіе въ раздѣленіи труда; почти каждое такое явленіе состоитъ изъ чувствъ, мотивовъ и дѣйствій извѣстныхъ человѣческихъ группъ, затѣмъ изъ массовыхъ фактовъ природы (какъ напр., жатва) или технической жизни (какъ напр., введеніе машинъ) и находится подъ

вліяніемъ нравовъ и учрежденій, причины которыхъ широко разбросаны; значитъ, въ каждомъ или почти въ каждомъ такомъ случаѣ требуется одновременное наблюденіе разсѣянныхъ во времени и пространствѣ, но внутренно связанныхъ между собою фактовъ. Въ особенности же трудность самовидѣнія и правильнаго видѣнія безмѣрно возрастаетъ тогда, когда должны быть наблюдаемы типическія формы народнохозяйственной жизни, каковы семейное хозяйство, предпріятіе, акціонерное общество, рабочій союзъ, рынокъ, биржа.

И все же съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ болѣе высокая умственная культура со школьнымъ образованіемъ, прессой и литературой, многіе коммерческіе люди и должностныя лица выносятъ изъ своего многолѣтняго житейскаго опыта и упражненія извѣстную способность правильно въ цѣломъ наблюдать народнохозяйственныя явленія. А наряду съ этимъ, наука и научное воспитаніе, правильное упражненіе въ научномъ наблюденіи и устраненіе вѣроятныхъ ошибокъ и ихъ источниковъ настолько подвинули впередъ немалое число практиковъ и многихъ теоретиковъ, что критическое осторожное наблюденіе шире распространено въ наши дни, чѣмъ когда-либо прежде. Мы научились даже и тамъ, гдѣ не можемъ наблюдать сами, а должны довольствоваться сообщеніями и наблюденіями другихъ, отдѣлять изощреннымъ взглядомъ пригодное отъ непригоднаго, дѣлать вѣрный выборъ изъ огромной массы матеріала, предлагаемаго прессой, различными описаніями, другими науками.

Однако наблюденіе народнохозяйственныхъ фактовъ тѣмъ не менѣе остается операціей трудной, тѣмъ легче омрачаемой ошибками, чѣмъ явленіе крупнѣе, развѣтвленнѣе, сложнѣе. Вѣрное само по себѣ правило—разлагать всякое

подлежащее изслѣдованію явленіе на его малѣйшія части, наблюдать части эти въ отдѣльности и уже только изъ суммы наблюденій составлять общій результатъ — можетъ быть выполнено въ совершенствѣ лишь при наличности особенно благопріятныхъ обстоятельствъ. Обыкновенно же приходится, установивъ относительно явленія извѣстныя достовѣрныя данныя, остальныя стороны явленія, вовсе не наблюденныя или недостаточно наблюденныя, выводить уже путемъ заключенія и такимъ образомъ составлять картину цѣлаго. Это производится, подъ вліяніемъ данной совокупности впечатлѣній, продуктивнымъ актомъ фантазіи, который можетъ приводить и къ заблужденію, если даровитость и воспитанность не направятъ ума на вѣрную дорогу. При этомъ, если наблюденнымъ приходится пользоваться и дальше, никогда не слѣдуетъ забывать, какъ опытный матеріалъ, который мы почерпнули изъ жизни сами, дѣйствуетъ психологически различно съ тѣмъ, который мы получаемъ изъ вторыхъ рукъ. У перваго всегда — окраска, жизнь, полная ясность и наглядность; онъ представляется намъ бо́льшихъ сравнительно размѣровъ, дѣйствуетъ сильнѣе, но по объему своему у ученыхъ онъ составляетъ обыкновенно меньшую часть. Другой — почерпнутый изъ книгъ, сообщеній, разсказовъ—въ тѣмъ большей степени представляетъ лишь блѣдные образы, схемы, даже голыя имена и понятія, лишенныя всякой наглядности, чѣмъ меньшею продуктивною фантазіей обладаетъ лицо воспринимающее. Лишь планомѣрнымъ, намѣренно повторяемымъ усиліемъ можно достигнуть того, чтобы живой и обезцвѣченный матеріалы получили относительно одинаковую силу и такимъ образомъ слились въ одно, соотвѣтствующее дѣйствительности, цѣлое.

Всякій внимательный читатель народнохозяйственныхъ

сочиненій тотчасъ узнаетъ, основывается ли данное сочиненіе на хорошемъ или плохомъ наблюденіи и въ какой степени, стоитъ ли въ немъ на первомъ планѣ наблюденіе самостоятельное или наблюденіе, принадлежащее другимъ, построено ли оно на знаніи жизни и людей или на книжномъ изученіи. Адамъ Смитъ хорошо наблюдалъ проявленія хозяйственной жизни въ маломъ; въ остальномъ онъ былъ кабинетнымъ ученымъ, который умѣлъ однако и изъ заимствованнаго матеріала сдѣлать нѣчто значительное. Рикардо былъ человѣкомъ безъ научнаго образованія, но съ большимъ практическимъ, дѣловымъ знаніемъ. Тѣ государственные и дѣловые люди, которые, прошедши школу практической жизни, пріобрѣтаютъ еще и законченное научное образованіе, потому именно и даютъ образцовыя работы—въ большинствѣ случаевъ, правда, по совершенно частнымъ вопросамъ—что они всего правильнѣе соединяютъ оба вида наблюдательнаго матеріала; назову аббата Гальяни, Неккера, Гофмана, Тюнена, Рюмелина. Изъ ученыхъ по профессіи такія же преимущества обнаруживаютъ тѣ, которые умѣли пріобрѣсти богатый практическій житейскій опытъ, какъ напр. Германъ, Гансенъ, Гильдебрандтъ. Типъ книжнаго ученаго, предающагося умозрѣнію безъ собственныхъ наблюденій, безъ знанія жизни и людей, представляетъ собою Карлъ Марксъ. Игра въ математику была его любимымъ занятіемъ; она связывается у него съ совершенно отвлеченными понятіями и съ общими философско-историческими картинами. Въ силу такихъ своихъ свойствъ онъ, несмотря на все свое изученіе англійскихъ синихъ книгъ, быть можетъ, дальше отъ требуемаго нашимъ временемъ достовѣрнаго эмпирическаго изслѣдованія, чѣмъ кто-либо изъ другихъ выдающихся мыслителей въ области національной экономіи.

Фиксація наблюденія, дающая и другимъ возможность имъ пользоваться, есть описаніе. Оно изображаетъ выдѣленный изъ общей связи съ существующимъ предметъ, даетъ ему установленное научнымъ опредѣленіемъ имя, подводитъ его подъ виды и классы родственныхъ явленій, устанавливаетъ тождество, сходство, существованіе, слѣдствіе, соотношеніе. Описаніе обыкновенно уже потому даетъ гораздо больше, чѣмъ наблюденіе, что оно пользуется выводами изъ наблюденнаго и изъ установленныхъ инымъ путемъ истинъ; оно связываетъ отдѣльныя наблюденія въ суммарное выраженіе или, по крайней мѣрѣ, для поясненія сопоставляетъ съ новымъ наблюденіемъ непосредственно ему предшествующее, съ нынѣшнимъ свѣдѣніемъ вчерашнее; всякое хорошее описаніе носитъ сравнительный характеръ, и въ большей части руководствъ по народнохозяйственной наукѣ сопоставляются по меньшей мѣрѣ данныя англійскія, французскія и нѣмецкія. Сопоставленіе многихъ наблюденій и ихъ сравненіе, попытки создавать такимъ путемъ общія представленія объ обширныхъ областяхъ народнохозяйственной жизни составляютъ одно изъ главныхъ средствъ вносить единство въ хаосъ разсѣянныхъ частностей. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и первый шагъ къ индуктивнымъ заключеніямъ, такъ какъ и вообще главная цѣль всякаго описанія—подготовленіе индукціи. Но, какъ многократно это подчеркиваетъ Милль, само описаніе еще не есть индукція, оно совершенно въ такой же мѣрѣ служитъ дедукціи и ея повѣркѣ.

Когда предметы, которые требуется изобразить, особенно сложны, какъ напр., народное хозяйство цѣлой страны, развитіе цѣлой отрасли промышленности, положеніе банковаго и денежнаго дѣла въ данномъ государствѣ, положеніе рабочихъ въ какой-либо отрасли промышленности, тогда для точнаго,

исчерпывающаго, дающаго вѣрныя величины, причины и слѣдствія, описанія прежде всего нужно умѣнье сжато охватить тысячи отдѣльныхъ данныхъ, однимъ синтезомъ обнять всѣ аналитически установленныя частности. Для идеальнаго описанія такого рода необходимъ превосходный знатокъ предмета и вмѣстѣ превосходный художникъ, который умѣлъ бы немногими штрихами изображать вещи съ пластической наглядностью и въ то же время вполнѣ согласно съ дѣйствительностью.

Чѣмъ проще предметы какой-либо науки, тѣмъ меньшую роль играетъ въ ней описаніе; явленія типичны и повторяются такъ однообразно, что описанія различныхъ экземпляровъ того же вида излишни. Это можно сказать и объ элементарныхъ народнохозяйственныхъ явленіяхъ, каковы колебанія цѣнъ; тутъ достаточно одного примѣра. Все болѣе сложное, напротивъ, имѣетъ свой индивидуальный, своеобразный характеръ: описаніе одного кустарнаго промысла не дѣлаетъ излишнимъ описанія другого. Поэтому въ болѣе сложныхъ отрасляхъ знанія съ побѣдою строгой научности всегда завоевывала себѣ особое самостоятельное значеніе и описательная часть; отдѣльныя вспомогательныя средства и способы наблюденія, собиранія фактовъ и описанія, какъ напр. микроскопія и статистика, сдѣлались даже особыми науками.

Въ области наукъ государственныхъ, и спеціально народнохозяйственной науки, съ того времени какъ началась болѣе строгая ея разработка, мы наблюдаемъ два періода господства этого направленія. Сначала кропотливому, хотя часто и очень поверхностному, собиранію фактовъ усердно предаются камералистика и меркантилизмъ. Возникаютъ описанія Голландіи, Англіи и другихъ государствъ, безконечныя энциклопедіи и сборники. Этому ста-

рому направленію все было мало и мало матеріала, и оно дошло, наконецъ, до совершенно неосмысленной многоосвѣдомленности. Избавленіемъ отъ этого зла явилась естественная школа народнаго хозяйства. Она представляла собою предварительную попытку раціональной обработки мертваго матеріала; на нѣсколько человѣческихъ поколѣній наблюденіе и описаніе отступили на задній планъ. Преувеличивая простоту явленій, представители этой школы полагали, что они въ общечеловѣческой природѣ нашли тотъ ключъ, который прямѣе и легче ведетъ къ святилищу познанія, чѣмъ скучная, кропотливая эмпирія. Реакцію противъ этой односторонности представляетъ наша эпоха. Въ Англіи перестали вѣрить безусловно лозунгу „спросъ и предложеніе“, но передъ каждымъ рѣшительнымъ сужденіемъ о вещахъ прежде всего стремятся установить факты, для чего и предпринимаются безконечныя анкеты; французы нашли новаго апостола эмпиріи въ лицѣ Ле-Плэ; но съ особенною энергіею реализмъ уже почти два поколѣнія тому назадъ провозгласила нѣмецкая національная экономія, которой изъ эпохи камералистики удалось вынести и навсегда сохранить въ себѣ живое пониманіе дѣйствительности. Лучшіе умы другихъ государствъ послѣдовали въ этомъ отношеніи за ней; напомнимъ хотя бы собранія матеріаловъ Герберта Спенсера и работы сэра Генри Мэна. Изъ нѣмецкихъ экономистовъ въ описательныхъ работахъ приняли участіе, и съ величайшимъ иногда успѣхомъ, даже и тѣ, которые особенно выступали въ защиту дедуктивнаго метода, какъ напр., А. Вагнеръ. Разница современнаго описательнаго направленія національной экономіи отъ направленія прошлаго столѣтія состоитъ въ томъ, что теперь собираются уже не случайныя свѣдѣнія, но требуется, чтобы наблюденія и описанія производились по методамъ строго научнымъ.

Но если нѣмецкая наука шла во главѣ этого движенія, то она никогда не считала, чтобы наблюденіе и описаніе сами по себѣ были наукой, чтобы они были чѣмъ-либо болѣе, нежели подготовительными операціями къ полученію общихъ истинъ. Она только утверждала, и справедливо, что безъ этого эмпирическаго основанія и безъ строгой школы и навыка въ этомъ направленіи нѣтъ пригодныхъ индукціи и дедукціи. Она думала, что возможно и плодотворно вести въ этомъ направленіи и преподаваніе, что прошедшіе такую школу ученики еще могутъ что-либо дать, тогда какъ ученическія умозрѣнія насчетъ послѣдняго слова науки по большей части никакой цѣны не имѣютъ. Нѣмецкая наука и руководители тѣхъ семинаріевъ по государствовѣдѣнію, изъ которыхъ за послѣднія 30 лѣтъ выходили преимущественно описательныя работы, знали, что они идутъ при этомъ въ согласіи съ тѣмъ ходомъ, который приняли теорія познанія и теорія науки вообще. Они могли сослаться на слова Лассаля: „Матеріалъ и безъ мысли все еще имѣетъ относительную цѣнность, тогда какъ мысль безъ матеріала — лишь значеніе химеры“, или на слова Лоца: „Знать фактъ—не все, но нѣчто крупное; не придавать этому цѣны, потому что требуешь бо́льшаго, прилично лишь тѣмъ гезіодовскимъ глупцамъ, которые никогда не могутъ понять, что половина часто лучше, чѣмъ цѣлое“.

Смотря по тому, какія разсматриваются стороны народнохозяйственныхъ явленій, наблюденіе и описаніе, разумѣется, производятся различно; методы, при этомъ употребляемые, частію заимствованы изъ другихъ наукъ, частію самостоятельно выработаны въ той же средѣ наукъ государственныхъ. Говорить о всѣхъ этихъ методахъ въ отдѣльности здѣсь, за недостаткомъ мѣста, невозможно.

Но во всякомъ случаѣ нельзя не остановиться на томъ, какъ за послѣднее время наука о народномъ хозяйствѣ пріобрѣла себѣ вспомогательныя науки въ статистикѣ и исторіи.

Статистическій методъ и анкеты.

Если гдѣ наблюденіе всего раньше могло освободиться отъ субъективныхъ ошибокъ и придти къ безспорнымъ истинамъ, такъ это тамъ, гдѣ оно могло подчинить явленія счету и мѣрѣ. Уже сотни лѣтъ тому назадъ для практическихъ административныхъ цѣлей производился счетъ гуфамъ, людямъ, скоту, строеніямъ; итальянскіе тираны эпохи возрожденія, а еще болѣе просвѣщенные деспоты XVII и XVIII в. все чаще и чаще стали нуждаться въ такихъ переписяхъ для финансовыхъ, военныхъ и другихъ цѣлей. Пробуждающаяся наука воспользовалась этимъ матеріаломъ. Петти и Давенантъ сопоставляли и сравнивали хозяйственныя числовыя данныя и трактовали при этомъ о политической ариометикѣ; Ахенваль и его послѣдователи начали дополнять свои описанія государствъ числами и называли это статистикой; Петръ Зюсмильхъ изъ цифровыхъ данныхъ церковныхъ книгъ создалъ ученіе о народонаселеніи. А такъ какъ для частныхъ лицъ планомѣрныя переписи такого рода лишь очень трудно осуществимы, обыкновенные же правительственные органы занимаются собираніемъ цифровыхъ данныхъ лишь между прочимъ, поскольку ихъ даетъ имъ прочая ихъ административная дѣятельность, то, начиная съ 1800 г., и стали создаваться сначала государственныя, а позднѣе и особенныя мѣстныя статистическія бюро, задача которыхъ — считать и измѣрять общественные факты, собирать и обработывать относящійся

сюда матеріалъ. Въ ихъ рукахъ главнымъ образомъ и находится теперь статистика, чѣмъ не исключается однако собираніе статистическихъ свѣдѣній со стороны частныхъ лицъ и другихъ учрежденій, а тѣмъ менѣе — переработка ими статистическаго матеріала.

Мы будемъ говорить здѣсь о статистикѣ лишь какъ о методѣ систематическаго массоваго наблюденія. Она выдѣляетъ группы индивидуумовъ или хозяйственныхъ фактовъ и происшествій, сосчитываетъ ихъ и въ общей сложности, и по отдѣльнымъ опредѣленнымъ признакамъ, характеризуетъ эти группы, констатируетъ сходство и различіе, измѣненія и перемѣны внутри нихъ и такимъ образомъ, при помощи остальныхъ нашихъ свѣдѣній объ этихъ явленіяхъ, приводитъ къ болѣе глубокому ихъ познанію. Она примѣнима лишь тамъ, гдѣ можно образовать вполнѣ опредѣленныя группы (по принадлежности къ тому или другому государству, провинціи, общинѣ, по занятію, состоянію, полу, возрасту, по опредѣленнымъ дѣйствіямъ — какъ напр., по преступленіямъ, посѣщеніямъ церкви и школы, платежу налоговъ и т. д.), относительно всѣхъ членовъ группы задаться однимъ вопросомъ, поставить вопросъ этотъ ясно и отчетливо и создать гарантіи, что на него будетъ данъ отвѣтъ, и отвѣтъ вѣрный. Крупныя издержки, вызываемыя статистическимъ административнымъ аппаратомъ, препятствуютъ всякому слишкомъ большому его расширенію,— а несовершенная постановка вопросовъ и недостаточные или невѣрные отвѣты дѣлаютъ значительную часть матеріала непригоднымъ. Лишь медленно усовершенствовалось искусство переписи и собиранія статистическихъ свѣдѣній. Народныя переписи, статистика вѣса и цѣнности вывозимыхъ и ввозимыхъ товаровъ и другія части статистики, однако, достигли уже теперь высокой степени достовѣрности, тогда

какъ другія части статистическаго матеріала, напротивъ, остаются еще очень несовершенными.

Тѣмъ не менѣе значеніе статистическаго метода для успѣховъ познанія въ сферѣ государства, общества и народнаго хозяйства было громадно. Выработка его во всякомъ случаѣ была однимъ изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній въ области соціальныхъ наукъ за послѣднія 150 лѣтъ.

Статистика во многомъ восполнила недостающій здѣсь экспериментъ. Она впервые создала требованіе отчетливости и точности въ этой области. Она поставила опредѣленныя величины на мѣсто смутныхъ общихъ соображеній. Она впервые дала возможность подвергать массовыя явленія, которыя количественно до тѣхъ поръ были доступны лишь грубой косвенной оцѣнкѣ, точному наблюденію, а признаками счислимыми пользоваться для абсолютно вѣрныхъ характеристикъ. Своими таблицами, графическими изображеніями и другими средствами сравненія она установила измѣненія въ развитіи, направила къ познанію причинъ, позволила измѣрять вліяніе тѣхъ или другихъ главныхъ или второстепенныхъ причинъ. Табличное расчлененіе статистическихъ данныхъ по пространству и времени, причемъ массовыя явленія выступаютъ какъ бы функціями пространства и времени, дало возможность видѣть градацію дѣйствующихъ причинъ. Статистика создала ученіе о народонаселеніи, она доставила прочный фундаментъ народовѣдѣнію и наукѣ о финансахъ. Она очистила отъ грубыхъ ошибокъ ученіе о деньгахъ и цѣнѣ, раскрыла ошибочность многихъ слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній въ различныхъ областяхъ; она сдѣлалась главнымъ орудіемъ описательной народнохозяйственной науки. Ея послѣдніе успѣхи въ статистикѣ рабочей платы, статистикѣ занятій, статистикѣ домашняго хозяйства показываютъ, въ

какой мѣрѣ она способна и въ будущемъ совершенствовать и даже совсѣмъ преобразовывать важныя части науки.

И при всемъ этомъ не можетъ быть всетаки сомнѣнія насчетъ ограниченности предѣловъ ея дѣеспособности. Весь ея матеріалъ относится къ краткому періоду новѣйшаго времени и къ немногимъ культурнымъ государствамъ. Она доставляетъ истины всегда лишь въ связи съ другими спеціальными науками, никогда одна; лишь тотъ экономистъ, антропологъ, криминалистъ, медикъ, который является полнымъ хозяиномъ въ своей области, можетъ правильно оперировать этимъ измѣрительнымъ инструментомъ надъ предметами своего изслѣдованія. Статистика можетъ давать только количественныя отношенія; качества, которыя лежатъ за этой границей, слѣдовательно, прежде всего всѣ важнѣйшія нравственныя и умственныя явленія, ей недоступны, развѣ только—если они проявляются въ исчислимыхъ событіяхъ, вродѣ, напримѣръ, самоубійствъ или преступленій. Относительно исчислимыхъ вещей мы часто не можемъ узнать самаго интереснаго, потому что поставленные вопросы оказываются слишкомъ сложными, отвѣты—слишкомъ непадежными, слишкомъ трудно суммируемыми. Мы можемъ, напр., счесть, сколько есть молочныхъ коровъ, но не то, сколько въ нихъ вѣса, сколько онѣ даютъ молока. Мы можемъ узнать, сколько существуетъ промышленныхъ заведеній и съ какимъ числомъ рабочихъ; что же касается ихъ машинъ, капитала, годового производства, то здѣсь статистическія изслѣдованія не давали до сихъ поръ пригодныхъ результатовъ. Лексисъ развиваетъ мысль, что тамъ, гдѣ причины типично повторяющихся явленій намъ уже извѣстны, статистическое изслѣдованіе излишне или—самое большее—имѣетъ значеніе лишь повѣрочнаго пріема; тамъ же, гдѣ дѣло идетъ о массовыхъ явленіяхъ, исторически

индивидуализированныхъ, статистика, какъ вспомогательная наука, тѣмъ дальше отступаетъ назадъ, чѣмъ явленія становятся индивидуальнѣе. Если между этими двумя группами явленій для статистики и остается еще широкое и важное поприще, все же сложныхъ причинъ и комплексовъ причинъ она никогда прямо не раскрываетъ; она только позволяетъ человѣку, свѣдущему въ дѣлѣ, сравнивая числа, дѣлать предположенія о существованіи причинной связи.

Родственны статистикѣ такъ называемыя анкеты (enquêtes), т.-е. тѣ въ послѣднее время часто производившіяся парламентскими коммиссіями, правительственными учрежденіями и учеными обществами однократныя изслѣдованія и описанія, которыя главнымъ образомъ касались народохозяйственныхъ вопросовъ, требующихъ разработки въ цѣляхъ законодательныхъ. Лица, оффиціально назначенныя или добровольно соединившіяся для изслѣдованія, сначала составляютъ планъ работъ, устанавливаютъ, что должно быть добыто статистическимъ путемъ, а затѣмъ дополняютъ статистическій матеріалъ письменнымъ или устнымъ опросомъ возможно большаго числа свѣдущихъ въ дѣлѣ лицъ. Въ особенности устный опросъ, при установленной закономъ принудительности показаній, при перекрестномъ допросѣ различныхъ сторонъ и правѣ каждаго члена коммиссіи ставить вопросы, приводилъ къ цѣннымъ и вѣрнымъ съ дѣйствительностью результатамъ; нерѣдко при общемъ отчетѣ коммиссіи публиковались и всѣ протоколы опросовъ. Мы не будемъ подробнѣе останавливаться на этомъ, объ анкетахъ слѣдовало только упомянуть какъ о важномъ средствѣ, какъ объ особомъ способѣ планомѣрно собирать, согласный съ дѣйствительностію, обширный фактическій матеріалъ. Когда анкетами называютъ свои изслѣдованія отдѣльные ученые, они этимъ только

хотятъ сказать, что они разсылали вопросные листы и собирали свѣдѣнія въ столь же широкихъ размѣрахъ, какъ и анкетныя коммиссіи.

Исторія и историческій методъ.

Насколько статистика—юная наука, настолько же исторія—наука старая. Статистика—спеціализированная вспомогательная наука; исторія наряду съ философіей — универсальнѣйшая изъ наукъ. И тѣмъ не менѣе къ наукѣ о народномъ хозяйствѣ обѣ онѣ находятся въ одинаковомъ отношеніи, обѣ для нея прежде всего — вспомогательныя науки, доставляющія ей добытый путемъ наблюденія матеріалъ уже очищеннымъ, провѣреннымъ, приведеннымъ въ порядокъ. Воздѣйствіе исторіи на науку о народномъ хозяйствѣ этимъ, впрочемъ, не исчерпывается.

Къ чему стремится исторія? Зибель говоритъ, что она ставитъ себѣ задачей понять жизнь человѣчества въ ея развитіи, поскольку она проявляется въ сложеніи и разложеніи отдѣльныхъ народностей. Бернгеймъ недавно опредѣлилъ ее какъ науку о развитіи людей въ ихъ проявленіяхъ какъ существъ соціальныхъ. Я бы скорѣе сказалъ описательно: она стремится собрать, провѣрить и соединить въ одно доступное пониманію и связное цѣлое всѣ дошедшія до насъ данныя о политическомъ и иномъ культурномъ развитіи народовъ и человѣчества. Она имѣетъ въ виду двѣ цѣли: критику и приведеніе въ порядокъ этихъ данныхъ, съ одной стороны, и пользованіе ими для повѣствованія и изображенія—съ другой. Первое—область, принадлежащая ей всецѣло и нераздѣльно. Здѣсь, при помощи филологіи, она, въ особенности за послѣднія сто лѣтъ, выработала столь строгій методъ и дала столь достовѣрные

результаты, что они отвѣчаютъ высшимъ масштабамъ познанія, стоятъ на одномъ уровнѣ съ результатами всѣхъ другихъ знаній; отсюда и принято въ исторіи называть ихъ, по образцу естественныхъ наукъ, точными. Здѣсь она выработала свои своеобразнѣйшіе пріемы, одержала свои величайшія побѣды. Но ея идеальная цѣнность, ея способность вліянія лежатъ въ области повѣствованія и изображенія, а равно и тѣхъ оцѣнокъ, заключеній и общихъ истинъ, которыя изъ повѣствованія и изображенія вытекаютъ. По мѣрѣ того, какъ чисто повѣствовательная исторія преобразовывалась въ прагматически-назидательную, а послѣдняя — въ генетическую, которая стремится объяснить внутреннюю и причинную связь событій, вліяніе природы и расы, вліяніе идей, перешедшихъ отъ предковъ, и новыхъ успѣховъ знанія, вліяніе великихъ людей и учрежденій,—ей пришлось прямо или косвенно призвать къ себѣ на помощь все человѣческое знаніе, философію и всѣ спеціальныя науки, и все же по самому существу дѣла она никогда не могла достигнуть вполнѣ помянутой послѣдней и высшей своей цѣли; она часто должна довольствоваться тѣмъ, чтобы послѣднія загадки всемірной исторіи дѣлать доступными пониманію мысли, объясняя ихъ телеологически, вмѣсто того, чтобы съ научною строгостью давать имъ исчерпывающее причинное объясненіе. Такимъ образомъ, результаты ея, крайне различные въ методологическомъ отношеніи, представляютъ и очень различную цѣнность для дальнѣйшаго пользованія ими со стороны другихъ наукъ.

Съ растущимъ раздѣленіемъ труда, внутри исторіи развились спеціальныя науки — исторія языка, литературы, церкви, искусства, нравовъ, права и хозяйства,—которыя часто, подъ общимъ именемъ культурной исторіи, проти-

вопоставляются исторіи общей или политической. По мѣрѣ своего развитія онѣ изъ простыхъ частей исторической науки стали самостоятельными посредствующими звеньями между исторіей и особыми науками языка, литературы и др., онѣ своеобразно связали задачи и методы исторіи съ задачами филологіи, правовѣдѣнія, политической экономіи и такимъ образомъ оказали плодотворное воздѣйствіе въ ту и другую сторону.

Наиболѣе сильные импульсы развитіе какъ всеобщей исторіи, такъ и отдѣлившихся отъ нея производныхъ наукъ получало за послѣднія сто лѣтъ изъ Германіи. Нибуръ и Ранке во всемъ мірѣ признаются нынѣ основателями исторіи въ новѣйшемъ смыслѣ, Савиньи, Эйхгорнъ и Вайцъ — основателями исторіи права, Бёкъ, Арнольдъ, Мауреръ, Ницшъ — исторіи хозяйства; Фр. Листъ, Рошеръ, Гильдебрандъ и Книсъ были первыми экономистами, которые дали научное выраженіе вліянію на національную экономію чрезвычайно выросшей въ своемъ значеніи исторіи. Въ другихъ культурныхъ государствахъ вліяніе это могло сказаться лишь гораздо медленнѣе, частію потому уже, что высокой степени развитія сама исторія достигла тамъ гораздо позднѣе, а частію и потому, что гуманитарныя науки вообще находились тамъ въ состояніи застоя. Въ особенности это относится къ Англіи, которая имѣла свою великую эпоху научнаго расцвѣта отъ Гоббса и Локка до Юма и Адама Смита, начиная же съ 1780 г. пережила нѣсколько поколѣній безплоднаго эпигонства (см. Jodl, Geschichte der Ethik, II, стр. 397 и слѣд.), позднѣйшія національно-экономическія произведенія котораго, частію довольно бездарныя, заграницею изучались не потому, чтобы въ Англіи процвѣтала наука, а потому, что практика хозяйственной жизни опередила въ ней другія страны. Во

Франціи Огюстъ Контъ энергично требовалъ обоснованія всякаго соціальнаго изученія на исторіи, но онъ долго стоялъ съ этимъ требованіемъ одинокимъ.

Если мы спросимъ, что̀ всеобщая исторія и ея спеціальныя части, прежде всего исторія хозяйства, права и нравовъ, даютъ наукамъ о государствѣ и о народномъ хозяйствѣ—принципіальный отвѣтъ на это, вытекающій изъ сказаннаго уже выше, простъ: они даютъ не знающій себѣ равнаго опытный матеріалъ, который въ томъ, что касается знанія дѣйствительности, дѣлаетъ изслѣдователя изъ нищаго богачемъ. Этотъ опытный историческій матеріалъ, какъ и всякое хорошее наблюденіе и описаніе, служитъ тому, чтобы иллюстрировать и провѣрять теоретическія положенія, указывать предѣлы, въ которыхъ извѣстныя истины сохраняютъ силу, а еще болѣе тому, чтобы индуктивно добывать новыя истины. Въ особенности въ болѣе сложныхъ отрасляхъ народнохозяйственной науки двигаться впередъ только и можно, что на почвѣ историческаго изслѣдованія; такъ напр., въ вопросахъ о вліяніи введенія машинъ на рабочую плату, о вліяніи производства благородныхъ металловъ на стоимость денегъ всякое чисто абстрактное доказательство не имѣетъ никакой цѣны. Еще въ большей степени это можно утверждать относительно развитія народнохозяйственныхъ учрежденій и теорій и относительно вопросовъ общаго хозяйственнаго прогресса. Книсъ, поэтому, правъ, говоря, что обращеніе къ исторіи является постоянною задачею національной экономіи. Даже самый рѣшительный противникъ исторической національной экономіи, Карлъ Менгеръ, соглашается однако, что важнѣйшія явленія хозяйства, каковы собственность, деньги, кредитъ, обнаруживаютъ какъ развитіе индивидуальное, такъ и развитіе формъ, такъ что „кто знакомъ съ природою этихъ феноменовъ только

въ одномъ какомъ-либо фазисѣ ихъ существованія, тотъ ихъ еще не знаетъ". Но если это можно сказать о деньгахъ и кредитѣ, то еще болѣе это вѣрно относительно семейнаго хозяйства, раздѣленія труда, соціальнаго классообразованія, формъ предпріятія, относительно рынка, торговыхъ учрежденій, цеховъ, свободы промышленности, формъ поземельныхъ отношеній, короче—относительно всѣхъ тѣхъ типическихъ формъ и частныхъ порядковъ, которые означаются именемъ народнохозяйственныхъ установленій и въ томъ или иномъ видѣ, сложившемся подъ вліяніемъ нравовъ и права, подолгу, иногда впродолженіе столѣтій, одинаковымъ образомъ опредѣляютъ собою теченіе хозяйственной жизни.

Конечно, если бы вѣрно было, что исторія всегда изображаетъ лишь конкретное и индивидуальное, все же общее лежитъ уже за ея горизонтомъ, вліяніе ея могло бы быть лишь весьма ограниченнымъ. Но если она и объясняетъ ходъ развитія отдѣльныхъ личностей, судебъ, народовъ, она не менѣе занимается вліяніемъ факторовъ психическаго порядка и вліяніемъ учрежденій, вообще всѣми общими причинами соціальной жизни, теоретическое объединеніе которыхъ именно и составляетъ дѣло наукъ государственныхъ. И если многое въ исторіи вовсе не касается государства и народнаго хозяйства, если многіе изъ ея предварительныхъ выводовъ, въ особенности изъ ея оцѣнокъ и ея попытокъ объясненія больше принадлежатъ къ философскому умозрѣнію, чѣмъ къ точно провѣренному познанію, и потому вовсе не могутъ или лишь съ крайней осторожностью могутъ быть дальше утилизируемы другими науками, все же остается фактомъ, что значительная часть всего историческаго матеріала носитъ характеръ хозяйственный и соціальный, что въ исторіи этотъ матеріалъ излагается хронологически и

повѣствовательно, а въ государственныхъ наукахъ онъ теоретически обобщается. Конечно, дошедшія до насъ данныя неполны, они составляютъ лишь самую скромную, малую часть всего дѣйствительно происходившаго, но все же въ ней отмѣчено все важнѣйшее за цѣлыя тысячелѣтія, и свѣдѣнія о прошломъ по мѣрѣ приближенія къ современности становятся все богаче. Во всякомъ случаѣ то, что сообщаетъ намъ исторія, въ милліонъ разъ больше того, что изслѣдователь можетъ видѣть и наблюдать самъ, а все то, что онъ узнаетъ изъ современности инымъ путемъ, нежели непосредственнымъ наблюденіемъ, можетъ быть столь же неполно и въ такой же мѣрѣ требуетъ провѣрки своей достовѣрности, какъ и данныя исторіи. Безспорно, современность обладаетъ многими средствами наблюденія, которыхъ не существуетъ по отношенію къ прошедшему, и, конечно, мы будемъ пользоваться ею въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, а иногда будемъ ограничиваться даже ею одной, когда можно принять за достовѣрное, что и въ прошломъ явленія протекали совершенно такъ же, какъ нынѣ; это, напр., можетъ быть принято относительно извѣстныхъ элементарныхъ явленій рынка. Но предварительно все же долженъ быть рѣшенъ вопросъ, дѣйствительно ли мотивы, дѣйствія, результаты и прежде были совершенно тѣ же самые. А рѣшить такой вопросъ мы можемъ только на основаніи историческаго матеріала, дошедшихъ до насъ памятниковъ языка и литературы, историческихъ данныхъ касательно нравовъ и хозяйственныхъ учрежденій. Важнѣйшіе народнохозяйственные процессы во всякомъ случаѣ длятся десятилѣтія и столѣтія, имѣютъ свои корни и нити въ отдаленномъ прошломъ, которое можетъ быть раскрыто лишь путемъ историческимъ.

Что историческій наблюдательный матеріалъ составляетъ

лишь часть матеріала, которымъ должна пользоваться народнохозяйственная наука, что рядомъ съ нимъ долженъ быть принимаемъ въ расчетъ и матеріалъ географическій, этнологическій, статистическій, психологическій и техническій, этого никогда не отрицалъ ни одинъ разумный человѣкъ. И когда Карлъ Менгеръ недавно утверждалъ, что „нѣкоторые“ объявляютъ, будто „исторія народнаго хозяйства есть единственная правомѣрная эмпирическая основа для теоретическаго изслѣдованія въ хозяйственной области“, онъ не могъ однако привести въ пользу своего утвержденія ничего сколько-нибудь похожаго на доказательство. Именно экономисты исторической школы всегда энергично требовали эмпиріи и психологической, и статистической.

За послѣднее время Ад. Вагнеръ усиленно доказывалъ превосходство надъ историческимъ методомъ метода статистическаго, причемъ въ пользу послѣдняго онъ выставлялъ возможность наблюденія надъ массами, систематичность пріемовъ, болѣе глубокое проникновеніе въ причинныя соотношенія. Что касается большей пригодности статистики для установленія количествъ, то она разумѣется сама собою; но для всесторонняго описанія массовыхъ явленій исторія все же можетъ сдѣлать больше, точно такъ же, какъ для установленія типическихъ формъ общественной жизни и для раскрытія болѣе тонкихъ, въ особенности психическихъ, нравственныхъ и общихъ отношеній причинности. Вагнеръ приписываетъ статистикѣ такія преимущества, которыя свойственны не столько ей самой, сколько соединенію ея съ выводами иного рода и съ другими науками. И если это же можно сказать и объ исторіи, то все же нельзя забывать, что послѣдняя уже по самому своему духовному содержанію и универсальному характеру

въ гораздо большей степени можетъ достигать общихъ результатовъ и раскрывать причины, и что, если сущность всеобщей исторіи составляетъ критика данныхъ и объединеніе ихъ въ связный разсказъ, то исторія языка, исторія права, исторія хозяйства необходимо идутъ дальше, онѣ дѣлаютъ попытки классификацій и рядообразованій, берутъ на себя установленіе закономѣрностей и причинъ.

Здѣсь мы однако уже вышли за предѣлы изображенія первой и ближайшей функціи исторіи по отношенію къ нашей наукѣ, и дальнѣйшее должны бы въ сущности оставить до послѣдующихъ главъ. Но такъ какъ въ нихъ мы не намѣрены возвращаться спеціально къ исторіи и ея методамъ, то мы позволимъ себѣ теперь же прибавить къ вышеизложенному еще нѣсколько общихъ замѣчаній касательно различія исторіи, только какъ метода, отъ исторіи, какъ науки.

Подъ историческимъ методомъ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, мы разумѣемъ изученіе источниковъ и критическіе пріемы изслѣдованія, имѣющіе цѣлью установить достовѣрность историческихъ данныхъ и привести ихъ въ систему. Исторія хозяйства не можетъ существовать безъ этого метода, онъ можетъ быть прямо необходимъ и для извѣстныхъ отраслей народнохозяйственной науки, но въ общемъ онъ—не болѣе, какъ вспомогательная наука, подготовляющая фактическій историческій матеріалъ. Изображенія хозяйственной исторіи, равно какъ и исторіи всеобщей, когда она повѣствуетъ о народнохозяйственныхъ явленіяхъ, — еще не теорія національной экономіи, а лишь камни для ея постройки. Конечно, чѣмъ законченнѣе отдѣльное изображеніе, чѣмъ лучше оно объясняетъ эволюцію явленія, тѣмъ болѣе данныя такого спеціальнаго изображенія могутъ становиться элементами теоріи, тѣмъ болѣе они могутъ вести къ об-

щимъ истинамъ. Старая, такъ называемая историческая, національная экономія часто слишкомъ спѣшила теоретически утилизировать данныя всеобщей исторіи; въ наше время мы понимаемъ, что твердую почву для уразумѣнія народнохозяйственной и соціально-политической стороны исторіи, для достаточнаго эмпирическаго обоснованія національно-экономической теоріи создаютъ лишь кропотливыя спеціальныя работы по исторіи хозяйства. Потому-то и новую эпоху національно-экономической науки гораздо правильнѣе начинать отъ времени появленія хозяйственно-историческихъ монографій, чѣмъ отъ времени общихъ пожеланій Рошера и Гильдебранда насчетъ исторической обработки національной экономіи. Наступленію этой новой эпохи въ такой же мѣрѣ содѣйствовали англичане Тукъ, Ньюмарчъ, Роджерсъ, Эшли, французы Деппингъ, Буркело, Левассеръ, Пижонно, бельгіецъ Лавелэ, въ какой и нѣмцы Брентано, Бюхеръ, Готгейнъ, Гельдъ, Инама, Кнаппъ, Лампрехтъ, Лексисъ, Мейценъ, Мясковскій, Шанцъ, Шёнбергъ, Шмоллеръ, Шнапперъ-Арндтъ, Тунъ и др.

Но наряду съ этимъ своимъ вліяніемъ изученіе хозяйственной исторіи оказало на науку народнаго хозяйства еще и другое, гораздо болѣе общее вліяніе, которое ростъ историческаго образованія имѣлъ на всѣ области гуманитарныхъ наукъ вообще. Благодаря ему главнымъ образомъ, рушилась созданная эпохою просвѣщенія естественно-правовая теорія экономическаго мѣнового общества; оно выяснило, что люди не всегда остаются одинаковы, что нѣтъ у нихъ и неизмѣнно одинаковыхъ типическихъ хозяйственныхъ формъ и общественныхъ учрежденій; оно создало представленіе объ историческомъ развитіи народовъ и человѣчества, а равно и народнохозяйственныхъ установленій; оно вновь привело народнохозяйственное изслѣдованіе

въ должную связь съ данными нравовъ, права и государства, т.-е. съ общими причинами культурнаго развитія; оно научило, какъ съ выводами, отправляющимися отъ индивидуума и его эгоистическаго интереса, сопоставлять изслѣдованіе коллективныхъ явленій; оно научило съ анализомъ сопоставлять правильный синтезъ; оно во многихъ случаяхъ должнымъ образомъ выполнило дѣло изолирующей абстракціи, научивъ разсматривать ея результаты вновь какъ части одного связнаго цѣлаго; благодаря этому то, что до тѣхъ поръ было пустою отвлеченностью и мертвою схемой, снова получило плоть и кровь. Такимъ образомъ, вліяніе историческаго изученія преобразовало общія основы народнохозяйственной теоріи, а въ хозяйственной политикѣ оно не разъ приводило къ болѣе правильнымъ заключеніямъ. Но главное—оно содѣйствовало развитію того практическаго чувства дѣйствительности, безъ котораго всякое умозаключеніе въ соціальной и политической области такъ легко можетъ вести къ заблужденію; оно содѣйствовало развитію того пониманія дѣйствительнаго и возможнаго, которое столь же далеко отъ того, чтобы всякій смѣлый шагъ впередъ считать немыслимымъ на томъ основаніи, что люди будто бы не мѣняются, какъ и отъ того, чтобы принимать нелѣпые планы будущаго въ надеждѣ, что то или иное соціалистическое устройство вдругъ сдѣлаетъ людей добродѣтельными и безкорыстными.

Сравнительный методъ самъ по себѣ отнюдь не составляетъ особенности историческаго изслѣдованія. Всякое психологическое, всякое народнохозяйственное изслѣдованіе основывается на сравненіи, какъ и вообще всякое болѣе глубокое наблюденіе необходимо приводитъ уже къ сравненію,—сравненію одинаковыхъ и подобныхъ явленій, установленію тождества, различія, сходства, и на срав-

неніи же покоится и всякое экспериментированіе. Но несомнѣнно, что накопленіе историческаго наблюдательнаго матеріала послужило особеннымъ поводомъ къ сравненію нравовъ, правовыхъ и хозяйственныхъ установленій, теченія аналогичныхъ соціальныхъ и хозяйственныхъ явленій въ различное время и у различныхъ народовъ и къ выводамъ отсюда. Такъ создались почти самостоятельныя дисциплины—сравнительныя исторіи нравовъ, права и хозяйства. Значеніе ихъ растетъ, хотя слишкомъ торопливые приверженцы сопоставленіемъ несравнимаго и недостаточно провѣреннаго отчасти дискредитировали дѣло. И какъ въ области психологіи, языковъ, миоа, религій сравненіе, несмотря на первоначальные свои промахи, стало давать теперь больше и больше, такъ же будетъ и въ области права и народнаго хозяйства. Принимающее все болѣе широкіе размѣры сравненіе сходныхъ и тождественныхъ явленій замѣняетъ недостающій экспериментъ, знакомитъ съ градаціей въ ростѣ тѣхъ или иныхъ причинныхъ факторовъ, констатируетъ вѣроятность одинаковыхъ причинъ; оно одно даетъ средства съ нѣкоторою вѣроятностью предусматривать великія соціальныя и хозяйственныя движенія и перемѣны. Если при этомъ отъ времени до времени и появляются отдѣльныя ошибочныя заключенія по аналогіи, то все же, чѣмъ, съ одной стороны, болѣе осторожно и критически ведется дѣло, съ другой—чѣмъ болѣе обширный матеріалъ при этомъ умѣло утилизируется, тѣмъ богаче будутъ и научные результаты этого метода, вызваннаго къ жизни исторіей.

Имена и понятія; классификація.

Одно изъ главныхъ средствъ правильно описывать есть употребленіе правильныхъ именъ и понятій. Установленіе ихъ составляетъ важную задачу каждой науки.

Наука о народномъ хозяйствѣ, какъ и всякая другая, заимствуетъ имена и слова, ей нужныя, изъ богатой сокровищницы языка культурныхъ народовъ. Она должна только уяснить себѣ, какъ происходитъ обычный процессъ образованія именъ. Онъ всегда отправляется отъ наглядныхъ конкретныхъ образовъ, даетъ цѣлой совокупности одинаковыхъ или подобныхъ явленій одно имя и такимъ образомъ представленіе преобладающее онъ соединяетъ въ одно съ извѣстнымъ числомъ побочныхъ представленій, расположенныхъ кругомъ него. Слово бываетъ всегда взято отъ главнаго представленія, но при употребленіи оно заставляетъ и говорящаго, и его слушателей вспоминать и всѣ остальныя представленія, которыя повели къ образованію этого слова и которыя расположены вокругъ этого центральнаго представленія. Возвратимся къ примѣру, уже приведенному выше. Хозяинъ (der Wirt) первоначально означаетъ хозяина дома, имѣнія, гостиницы, т.-е. человѣка, который, стоя во главѣ дома, заботится о прокормленіи, одеждѣ, жилищѣ; затѣмъ слово это распространяется на побочныя представленія и такимъ образомъ принимаетъ побочныя значенія; представленіе, прежде господствовавшее, мало-по-малу уступаетъ мѣсто другому. Терминъ „хозяйство“, который прежде означалъ домашнее производство для себя, теперь пріобрѣлъ побочное значеніе обмѣнивающей и пріобрѣтающей имущество дѣятельности; „хозяйственно“ поступаетъ тотъ, кто умѣетъ, пользуясь наименьшими средствами, достигать наибольшаго резуль-

тата. Представленія и мысли накопляются гораздо быстрѣе и изобильнѣе, чѣмъ слова, которыми мы располагаемъ. Поэтому въ особенности широкія собирательныя и отвлеченныя слова, какъ трудъ, благо, капиталъ, цѣнность, всегда имѣютъ много значеній, и притомъ мѣняющихся. Наука, если хочетъ указывать ихъ признаки и выводить слѣдствія, должна стараться по возможности сообщить имъ постоянство и опредѣленность; она должна стремиться выработать словообозначеніе твердое и общепризнанное. Это достигается при посредствѣ опредѣленія, которое слова и имена превращаетъ въ понятія. Опредѣленіе есть научно обоснованное сужденіе о значеніи употребляемыхъ нами словъ; цѣлью его является, во-первыхъ, установить границы представленій, составляющихъ взятое изъ обыденныхъ воззрѣній и по самой природѣ своей вѣчно мѣняющееся содержаніе даннаго понятія, а во-вторыхъ—очистить вульгарное словоупотребленіе отъ неопредѣленности значенія и расплывчатости. Чрезъ это наука достигаетъ великой цѣли—для всѣхъ принимающихъ участіе въ ея идейной работѣ она установляетъ въ многообразномъ мірѣ представленій одинаковый порядокъ, одинаковую классификацію явленій съ одинаковыми границами.

Всякое опредѣленіе пользуется для своей цѣли словами, которыя оно предполагаетъ въ свою очередь уже опредѣленными. Всего проще его дѣло, когда оно обозначаетъ какое-либо явленіе какъ видъ установленнаго уже класса, отмѣчая и специфическую особенность этого вида, напр., личный кредитъ обозначаетъ какъ такой видъ кредита, при которомъ довѣріе кредитора основывается на личной отвѣтственности должника. Гдѣ это невозможно, оно разлагаетъ представленіе на его элементы и признаки и старается установить понятіе, включая въ его опредѣленіе все самое су-

щественное. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ предполагается существованіе уже готовой научной терминологіи, которою при этомъ и пользуются. Такъ какъ это предположеніе никогда не бываетъ вѣрно вполнѣ, то всякое опредѣленіе есть только нѣчто предварительное, обусловленное общимъ состояніемъ науки и выработанностью ея предшествующихъ понятій. Естественно въ то же время, что содержащееся во всякомъ опредѣленіи установленіе границъ, смотря по различію научныхъ цѣлей, можетъ быть и сдѣлано различно. Оно прежде всего должно соотвѣтствовать существу дѣла и предметовъ. Но существо дѣла при одномъ изслѣдованіи требуетъ, напримѣръ, чтобы землю я причислялъ къ капиталу, при другомъ—чтобы я ее изъ него исключилъ. Такимъ образомъ составленіе понятій прежде всего основывается на научной цѣлесообразности. Поэтому слѣдуетъ спрашивать не о томъ, абсолютно ли понятія вѣрны, а о томъ, въ наибольшемъ ли они составлены соотвѣтствіи съ имѣющимися въ виду научными цѣлями.

Всякое опредѣленіе уже заключаетъ въ себѣ и классификацію явленій. Когда я опредѣляю народное хозяйство, то изъ всѣхъ народнохозяйственныхъ явленій я создаю одинъ классъ, изъ всѣхъ ненароднохозяйственныхъ—другой, причемъ этимъ другимъ я уже больше не занимаюсь. Гораздо значительнѣе дѣло классификаціи становится тогда, когда я хочу такъ подраздѣлить съ той или другой точки зрѣнія, по той или другой системѣ группу связанныхъ между собою явленій, чтобы отдѣльные классы были равными членами одного ряда и планомѣрно исчерпывали бы собою всю группу. Подраздѣленіемъ на классы при этомъ стараются достигнуть того, чтобы всего лучше устроить данную группу явленій въ нашемъ умѣ. Это—искусственный пріемъ, который долженъ увеличить нашу власть надъ

нашими же свѣдѣніями, это — въ высшей степени важная научная операція, которая можетъ быть хорошо выполнена лишь при условіи точнѣйшаго знанія всѣхъ отдѣльныхъ явленій, полнаго видѣнія цѣлаго, всѣхъ его причинъ и слѣдствій. А такъ какъ и это условіе тоже не часто имѣется налицо, то и классификація, создавая свои понятія, также дѣйствуетъ лишь гипотетически и предварительно и требуетъ постоянно новыхъ улучшеній; на мѣсто раньше принятыхъ классификаціею видовъ часто приходится ставить новые. Если до сихъ поръ такъ называемые факторы производства дѣлились на природу, трудъ и капиталъ, то въ основѣ этого дѣленія лежало представленіе, что части эти — равнозначительные круги причинъ; представленіе это врядъ ли состоятельно, а потому и классификація эта въ будущемъ, вѣроятно, будетъ оставлена. Подраздѣляя формы предпріятій, можно составлять ряды съ различныхъ точекъ зрѣнія, какъ это и пробовали дѣлать Бюхеръ и я. Среди классификацій различаются аналитическія и генетическія. Когда А. Вагнеръ дѣлитъ всю совокупность народнохозяйственныхъ явленій на системы частнохозяйственную, общественно-хозяйственную и каритативную, это — аналитическая классификація. Когда Гильдебрандъ различаетъ натуральное, денежное и кредитное хозяйство, когда я указываю на историческую преемственность хозяйствъ деревенскаго, городского, территоріальнаго и народнаго, это — классификаціи генетическія. Въ дѣйствительности однородныя явленія обыкновенно представляютъ собою ряды, члены которыхъ отдѣлены одинъ отъ другаго различіями постепенными и незамѣтными; между отдѣльными членами ряда различія часто такъ количественно малы, что качественными они становятся только при извѣстномъ усиленіи; потому-то проведеніе границъ

такъ часто бываетъ трудно и произвольно. И не въ такой степени, какъ думаетъ Милль, неправъ Уэвель (Whevell), когда онъ говоритъ, что классы должны быть составляемы по ясно выраженнымъ типамъ, причемъ все ближе лежащее къ типу должно причисляться къ классу, то же, что́ лежитъ на границѣ между двумя сосѣдними типами, всегда должно признаваться неопредѣленнымъ.

Вся современная строгая наука отправляется отъ того, что понятія—результаты нашихъ представленій и ихъ разборки, что они не что-либо реальное, не особыя самостоятельныя сущности, какъ это представляли себѣ древніе, какъ въ средніе вѣка въ противоположность номиналистамъ принимали реалисты, и какъ еще и нынѣ думаютъ отдѣльные идеологи, которые вѣрятъ въ реальныя (вмѣсто номинальныхъ) опредѣленія и воображаютъ, что при помощи таковыхъ они могутъ проникать въ самую сущность предметовъ. Это то заблужденіе, которое мнитъ чрезъ правильное понятіе духа овладѣть психологіей, чрезъ правильное основное понятіе хозяйства—національною экономіей, выводя изъ этихъ понятій все дальнѣйшее; таковъ взглядъ Лоренца ф.-Штейна и другихъ учениковъ Гегеля. Люди съ богатою фантазіей, мышленіе которыхъ поэтому образно, повидимому и въ самомъ дѣлѣ могутъ многое вывести изъ такихъ основныхъ и центральныхъ понятій; но въ дѣйствительности тутъ работаютъ не понятія, а сила тѣхъ образовъ, которые созданы ихъ фантазіею. Отвлеченнѣйшія высшія понятія, говоритъ Гербартъ,—самыя пустыя; правильнѣе было бы сказать — самыя неопредѣленныя, содержаніе которыхъ тѣмъ менѣе можетъ быть безспорно установлено, чѣмъ наука сложнѣе.

Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію процесса образованія понятій еще съ одной точки зрѣнія. Кто вспомнитъ,

какъ Іерингъ осмѣиваетъ схоластическую „юриспруденцію понятій“, или кто спроситъ себя, зависятъ ли крупные успѣхи медицины отъ того, что правильно опредѣлено было понятіе болѣзни, тотъ сейчасъ же ясно почувствуетъ, что для различныхъ наукъ значеніе образованія понятій можетъ быть очень различно, и что различіе это должно имѣть свои причины. Я думаю, что можно сказать такъ: чѣмъ проще предметы, которыми наука занимается, чѣмъ дальше она уже подвинулась въ своихъ выводахъ, тѣмъ совершеннѣе ея понятія, тѣмъ легче ей вводить свои законы и высшія истины въ свои понятія и опредѣленія и выводить изъ нихъ все дальнѣйшее; чѣмъ, напротивъ, сложнѣе становится предметъ какой-либо науки, тѣмъ дальше она находится отъ этого идеала. Она, конечно, во всякомъ случаѣ нуждается въ понятіяхъ и классификаціи; въ области реальныхъ частностей ея понятія и классификаціи могутъ достигнуть и извѣстной устойчивости, и тогда она должна привести свои истины въ связь со своими понятіями; но чѣмъ общѣе и отвлеченнѣе становятся примѣняемыя ею понятія, тѣмъ менѣе имъ могутъ быть приписываемы реальныя, точно ограниченныя слѣдствія и дѣйствія, тѣмъ болѣе опредѣленіе имѣетъ лишь смыслъ общей характеристики той или другой группы явленій для выдѣленія ея изъ остальныхъ, а вовсе не содержитъ въ себѣ всѣхъ относящихся къ этой группѣ существенныхъ истинъ. Въ такой именно стадіи находится и наука о народномъ хозяйствѣ. Выясненіе ея болѣе конкретныхъ понятій и попытки классификацій всегда важны и заслуживаютъ признательности. Изслѣдованіе ея общихъ понятій бываетъ повременамъ важно, когда требуется вновь намѣтить цѣли и границы науки; оно явилось необходимымъ требованіемъ языка, когда въ Германіи пришлось англійскую и фран-

цузскую терминологію замѣнять нѣмецкою, какъ то сдѣлали Гуфеландъ, Лоцъ, Германъ. Въ наше время необходимо подвергнуть анализу понятія, проникающія изъ естественныхъ наукъ (каковы напр., организмъ, борьба за существованіе, соціальная клѣтка въ смыслѣ семьи и т. д.), необходимо рѣшить вопросъ, можемъ ли мы и какъ можемъ примѣнять ихъ въ наукахъ о государствѣ, служатъ ли они къ дѣйствительному обогащенію или къ ущербу для наличной суммы нашихъ понятій; мы во всякомъ случаѣ должны выяснить ихъ содержаніе и границы. Обогащеніемъ для науки является введенное Бюхеромъ дѣленіе ремесленнаго предпріятія на два вида—Lohnwerk и Kaufwerk. Заслуживаетъ признательности и то, когда Фр. Нейманъ со свойственнымъ ему остроуміемъ сравниваетъ общія народнохозяйственныя понятія съ тѣми же понятіями въ наукахъ частнаго и административнаго права и устанавливаетъ ихъ отличія. Но того значенія, какъ въ практической юриспруденціи, анализъ понятій въ нашей наукѣ во всякомъ случаѣ никогда имѣть не будетъ, такъ какъ тамъ дѣло идетъ о ежедневномъ примѣненіи положеній права, построенныхъ на опредѣленіяхъ, а въ нашей наукѣ—о познаніи реальныхъ явленій и объ объясненіи ихъ причинъ.

Совершенно не должно быть терпимо съ другой стороны все то, что́ приближается къ мистицизму реальнаго опредѣленія и что́ изъ пустыхъ опредѣленій хочетъ выводить такія истины, которыя намъ можетъ дать только опытъ. Безполезною игрою въ понятія должно считаться то, когда съ большою затратой учености опредѣляются слова и понятія, которыя въ дальнѣйшемъ построеніи науки вовсе не находятъ примѣненія. Наконецъ, пагубнымъ заблужденіемъ долженъ считаться взглядъ, что національная экономія есть наука, имѣющая функціей лишь дальнѣйшій логи-

ческій анализъ понятій или простую силлогистику изъ аксіомъ — точка зрѣнія, которой держались, напримѣръ, Сеніоръ, Фаухеръ и Линдвурмъ, и къ которой приближаются и нѣкоторые изъ новѣйшихъ теоретиковъ, какъ напр. Саксъ.

Что въ области національной экономіи крупныя научныя работы возможны и безъ того, чтобы авторъ много занимался опредѣленіями, лучшимъ доказательствомъ тому служитъ Адамъ Смитъ. Но съ другой стороны и то, что многія изъ лицъ, съ особенной любовью предающихся опредѣленіямъ и изслѣдованіямъ отвлеченныхъ понятій, такъ мало создаютъ полезнаго, тоже зависитъ вовсе не отъ малоцѣнности самой ихъ дѣятельности, а отъ того, что занимаются этимъ преимущественно люди безъ знанія жизни и безъ образнаго мышленія — этого, по Шопенгауэру, ядра всякаго познанія — въ силу чего они и при большой своей логической тонкости не достигаютъ ничего значительнаго: изъ мякины даже отлично отточенный жерновъ не можетъ изготовить хорошей муки.

Причины.

Наблюденіе и описаніе, опредѣленіе и классификація суть дѣятельности подготовительныя. Конечная цѣль ихъ — познаніе связи народнохозяйственныхъ явленій; мы хотимъ знать, какія явленія всегда происходятъ одновременно, какія постоянно слѣдуютъ одно за другимъ, мы хотимъ во множествѣ явленій открыть общее, бросить взглядъ на необходимость явленій.

Вполнѣ достигнуть этой цѣли мы не можемъ. Сложность нынѣ сосуществующаго сводится къ прошлымъ комбинаціямъ, къ послѣднимъ недоступнымъ изслѣдованію причи-

намъ; послѣдовательность отдѣльныхъ доступныхъ намъ явленій также отнюдь не всегда объяснима. Но все же, чѣмъ болѣе мы ограничиваемся тѣмъ, чтобы отдѣльныя явленія объяснять изъ непосредственно предшествующихъ имъ, тѣмъ болѣе намъ это удается. И во всякомъ случаѣ объясненіе причинъ является для насъ идеаломъ познанія. Естественныя науки пріучили насъ все послѣдующее разсматривать какъ обусловленное причинами, которыя мы представляемъ себѣ въ видѣ силъ. Міръ явленій сталъ для насъ процессомъ, который нигдѣ не проявляетъ случайности и произвола, а всюду свидѣтельствуетъ о наличности достаточныхъ причинъ. При этомъ чѣмъ явленія сложнѣе, тѣмъ чаще мы имѣемъ дѣло не съ *одною* причиной, а съ цѣлою суммой состояній и условій, которыя, всѣ въ своей совокупности, и вызываютъ опредѣленное слѣдствіе; если недостаетъ хотя бы одного изъ условій, не наступитъ и слѣдствія. Ходячее словоупотребленіе называетъ причиною то изъ опредѣляющихъ обстоятельствъ, которое наступило послѣднимъ; предшествующія, болѣе длительныя изъ совмѣстно дѣйствующихъ состояній обыкновенно называются условіями. Слѣдствіе, содержась въ причинѣ реально, отнюдь не содержится въ ней логически, оно не можетъ быть изъ нея логически выведено, оно часто есть нѣчто совсѣмъ новое; связь между ними мы узнаемъ уже только изъ опыта. И не все регулярно предшествующее есть причина даннаго слѣдствія, какъ напр. ночь не есть причина дня, покровительственная пошлина той или другой страны не есть непремѣнно причина ея благосостоянія; причиною мы считаемъ лишь такое предшествующее состояніе, которое безусловно вызываетъ появленіе даннаго слѣдствія.

Причины народнохозяйственныхъ явленій представляютъ собою двѣ независимыя одна отъ другой группы — при-

чинъ физическихъ и органическихъ съ одной стороны, причинъ психическихъ—съ другой. Что бы ни думали въ наши дни о связи физической и психической жизни, какъ бы ни указывали на то, что наша духовная жизнь обусловлена нервною системой, сколь бы основательно ни представляли себѣ всѣ наши чувства связанными съ физіологическими процессами, все же остается безспорнымъ, что нервными состояніями мы не можемъ объяснить сосуществованія и послѣдовательности состояній духовныхъ, что послѣднее доступное познанію состояніе матеріальныхъ элементовъ и первые аккорды душевной жизни и понынѣ противостоятъ, а по всей вѣроятности—и впредь всегда будутъ противостоять другъ другу, какъ явленія самостоятельныя. Неудачными или во всякомъ случаѣ не достигающими цѣли должны поэтому считаться и всѣ тѣ попытки объясненія, которыя хотятъ дѣйствія людей выводить непосредственно изъ однихъ только физическихъ или біологическихъ элементовъ. Мы говоримъ здѣсь, конечно, не о такихъ вещахъ, когда, напр., изъ климата выводятъ опредѣленный образъ жизни, изъ образа жизни—опредѣленный тѣлесный и духовный habitus, а изъ послѣдняго—преобладаніе тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ чувствъ, соображеній и образовъ дѣйствія. Надо только, изучая взаимодѣйствіе матеріальныхъ или естественныхъ причинъ и причинъ духовныхъ, всегда помнить, что мы имѣемъ дѣло съ двумя самостоятельными системами причинъ, изъ которыхъ каждая, слѣдуя своимъ собственнымъ законамъ, не только допускаетъ самостоятельное изслѣдованіе входящихъ въ нее отношеній, но и требуетъ такового.

Климатъ и почва страны, ея богатство или бѣдность минералами, ея положеніе, рѣки и горы, флора и фауна составляютъ тотъ комплексъ естественныхъ причинъ, ко-

торый лежитъ въ основѣ всякаго народнаго хозяйства; вся животная и человѣческая жизнь обусловлена органическими причинами, и—помимо таковыхъ—непонятны были бы даже и простѣйшія явленія жизни населенія. Почти вся хозяйственная дѣятельность относится къ внѣшнимъ благамъ; всякое накопленіе капитала, всякое увеличеніе благосостоянія проявляется въ домахъ, фабрикахъ и машинахъ, скотѣ и орудіяхъ, деньгахъ и монетѣ, короче — въ предметахъ, которые повинуются законамъ внѣшней природы, которые, существуя по большей части въ ограниченномъ количествѣ, поддаются исчисленію и измѣренію и, въ силу своихъ количественныхъ отношеній и своихъ технико-физическихъ свойствъ, оказываютъ опредѣленныя дѣйствія. Данное состояніе техники, завися, конечно, отъ умственныхъ успѣховъ, вліяетъ на хозяйственную жизнь тоже чрезъ посредство внѣшнихъ факторовъ, чрезъ посредство предметовъ матеріальнаго характера. Говорятъ, что относительно всѣхъ вещей этого рода наукѣ о народномъ хозяйствѣ болѣе приходится ограничиваться признаніемъ и примѣненіемъ выводовъ чистыхъ и прикладныхъ естественныхъ наукъ; но во всякомъ случаѣ она должна изучать и эти причины, а часто должна и самостоятельно изслѣдовать тотъ или иной вопросъ изъ этой области, хотя бы для того, чтобы быть въ состояніи судить о границахъ хозяйственнаго развитія, рѣшить, напр., насколько можетъ быть поднята производительность данной почвы безъ чрезмѣрнаго возрастанія издержекъ и чрезмѣрнаго уменьшенія прибавки къ валовому доходу, насколько можетъ хватить даннаго природнаго запаса угля и т. д. Отъ этихъ-то естественныхъ факторовъ и отправляется представленіе о народномъ хозяйствѣ какъ о системѣ естественныхъ силъ и причинъ, подчиненныхъ законамъ внѣшней

природы, — представленіе, которое вѣрнѣе назвать полуистиннымъ, чѣмъ ложнымъ, такъ какъ оно имѣетъ въ виду лишь одну половину силъ, являющихся причинами.

Воздвигнутый внутри міра физической природы міръ хозяйственной культуры возникновеніемъ своимъ прежде всего обязанъ все же духовнымъ силамъ людей, которыя ближайшимъ образомъ проявляются въ видѣ чувствъ и влеченій, представленій и цѣлей, а болѣе отдаленно — въ видѣ дѣйствій и привычныхъ направленій воли. Такъ какъ въ цѣломъ своемъ силы эти изслѣдуются и изображаются психологіей и этикой, то въ послѣднее время національную экономію нерѣдко называли психологической или иногда этической наукой. Дж. Ст. Милль въ одномъ мѣстѣ опредѣлилъ ее какъ науку о моральныхъ и психологическихъ законахъ производства и распредѣленія богатства; въ другомъ мѣстѣ онъ требуетъ, чтобы въ основу соціальныхъ наукъ положено было ученіе объ образованіи человѣческаго характера, т.-е. тоже система выводовъ изъ психологіи. Подобныя же требованія слышатся со всѣхъ сторонъ. Въ Германіи этическій характеръ національной экономіи особенно выставленъ былъ на видъ историческою школой. Во Франціи соціалисты построили себѣ свою собственную психологію. Въ Англіи дать политической экономіи психологическій базисъ — нѣсколько, правда, узкій — пытался Джевонсъ, который возвращается для этого къ бентамовскимъ идеямъ о смѣнѣ чувствъ удовольствія и страданія. Австрійцы въ выработкѣ ученія о субъективной цѣнности являются его послѣдователями въ этомъ смыслѣ; но что́ бы мы ни думали о выставленныхъ ими положеніяхъ, что удовлетвореніе потребности всегда отодвигаетъ на извѣстное время эту потребность на задній планъ, что однимъ и тѣмъ же хозяйственнымъ благомъ можно удовлетворять потребностямъ

различнаго порядка, напр. хлѣбомъ кормить людей и попугаевъ, что́ бы мы ни думали обо всемъ ученіи о предѣльной пользѣ, — все это никакъ не можетъ быть признано достаточною психологическою основой для національной экономіи. Не создается такой основы и тѣмъ, что рядомъ съ эгоизмомъ отводится мѣсто общественному и правовому чувству или (по обозначенію Конта) альтруизму.

Для психологическаго обоснованія нашей науки нужно, во-первыхъ, произвести рядъ спеціальныхъ психолого-экономическихъ изслѣдованій, а затѣмъ попытаться преобразовать ученіе о хозяйственныхъ мотивахъ на основаніи психологіи и этики. Начинанія въ такомъ смыслѣ уже и существуютъ. Такъ Шеффле пробовалъ воспользоваться психологіею Гербарта, Брентано изслѣдовалъ психику современныхъ рабочихъ и рабочихъ прежняго времени. Фр. Нейманъ съ большимъ успѣхомъ подвергъ анализу участіе распредѣляющей и вознаграждающей справедливости въ образованіи цѣнъ и способы проявленія своекорыстія въ крупной торговлѣ. Упомяну тутъ же и мое изслѣдованіе о справедливости въ народномъ хозяйствѣ, которое стремится показать, опираясь на психологію и соціологію, какъ чувства справедливости уплотняются въ постоянные масштабы, пріобрѣтаютъ въ качествѣ таковыхъ конвенціональное господство и все болѣе и болѣе вліяютъ на народнохозяйственныя учрежденія и видоизмѣняютъ ихъ въ своемъ смыслѣ. Новѣйшія мои работы о купеческихъ обществахъ, наряду съ изученіемъ извѣстныхъ формъ организаціи, имѣютъ своею цѣлью также и выясненіе психологическихъ основаній разсматриваемыхъ явленій. Если спеціальныхъ изслѣдованій такого рода будетъ больше, то съ ихъ помощью удастся передѣлать заново весь психологическій фундаментъ науки о народномъ хозяйствѣ.

Но для осуществленія этой задачи требуется и нѣчто болѣе общее. Влеченіе къ пріобрѣтенію нужно поставить въ одинъ рядъ съ другими влеченіями; нужно выяснить сущность низшихъ и высшихъ влеченій вообще; нужно отвести чисто-инстинктивной жизни ея мѣсто въ системѣ психологическихъ причинъ, показать, какъ низшія влеченія обуздываются властью интеллекта и высшихъ чувствъ, нужно опредѣлить отношеніе влеченій къ добродѣтелямъ и спеціально къ добродѣтелямъ хозяйственнымъ. Но отвѣтить на всѣ эти вопросы возможно лишь тогда, если ясно, что́ такое нравственность и ея нормы, что́ такое нравы и право, а для этого въ свою очередь должны быть выяснены психическіе процессы въ обществѣ, возникновеніе въ опредѣленныхъ кругахъ однообразныхъ чувствъ, представленій и практическихъ тенденцій, дѣйствіе языка, письма и другихъ психо-физическихъ средствъ, подъ вліяніемъ которыхъ возникаютъ коллективныя духовныя силы. Изученіе этихъ коллективныхъ силъ ведетъ уже и къ пониманію общественныхъ коллективныхъ явленій: изъ однообразія чувствъ, влеченій, мнѣній и стремленій внутри отдѣльныхъ расъ, народовъ, классовъ, общинъ происходятъ тѣ или иныя соціальныя и государственныя учрежденія. Такимъ образомъ мы получаемъ какъ бы рядъ сперва простыхъ индивидуальныхъ, а затѣмъ сложныхъ психо-этическихъ причинъ, которыми объясняется все происходящее въ соціальной средѣ, которыя въ такой же мѣрѣ опредѣляютъ собою народнохозяйственную жизнь, какъ и жизнь правовую, политическую, церковную и соціальную. Дѣйствія этихъ причинъ въ значительной части своей таковы, что они, какъ напр. семья, община, союзы, товарищества, принадлежатъ одновременно какъ хозяйственной области, такъ и другимъ. Сюда относится и собственно важнѣйшій въ народнохозяйственномъ

и соціально-политическомъ отношеніи фактъ — соціальное расчлененіе на классы; оно никогда не можетъ быть объяснено съ одной только хозяйственной точки зрѣнія, а лишь при помощи психологіи и въ связи со всѣми общественными феноменами. Понятно поэтому, что чѣмъ болѣе психологическая и этическая обработка подобныхъ вопросовъ опирается на эмпирическое наблюденіе, тѣмъ болѣе она переходитъ въ то, что̀ въ настоящее время называютъ общею соціологіей или соціальною наукой. И когда недавно было высказано, что національная экономія есть часть общей соціальной науки, подъ этимъ въ сущности только и разумѣлось требованіе обоснованія ея на данныхъ психологіи, этики и философіи права. На практикѣ требованіе это много разъ уже получало признаніе.

Въ согласіи съ Огюстомъ Контомъ и Гербертомъ Спенсеромъ, которые разсматривали народнохозяйственную жизнь лишь какъ часть жизни соціальной, и большинство новѣйшихъ экономистовъ—напомнимъ хотя бы А. Маршалля— или вводили соціологическіе элементы и мысли въ самое изложеніе предмета, или, какъ Лор. Штейнъ, Шеффле, Вагнеръ, они пытались давать особыя этическія, философско-правовыя и соціологическія „Grundlegungen“. И когда я какъ-то выразился, что политическая экономія, какъ понятіе собирательное, обнимающее собою цѣлый рядъ наукъ, современемъ должна будетъ превратиться въ соціальную науку, я тоже не могъ разумѣть подъ этимъ ничего иного, кромѣ того, что всѣ государственныя и соціальныя науки зиждутся на общихъ имъ всѣмъ основаніяхъ, что всѣ онѣ имѣютъ дѣло съ одинаковыми соціологическими и психоэтическими причинами. Только по странному недоразумѣнію это или подобныя заявленія могли вызвать упрекъ въ намѣреніи основать какую-то универсальную науку всѣхъ

народнохозяйственныхъ или соціальныхъ дисциплинъ, какую-то мѣшанину изъ всѣхъ соціальныхъ наукъ, съ упраздненіемъ наукъ спеціальныхъ, и упрекъ этотъ былъ направленъ именно противъ тѣхъ лицъ, которыя и въ лекціяхъ, и въ сочиненіяхъ постоянно настаивали на бо́льшей спеціализаціи. Они столь же мало повинны въ такомъ намѣреніи, какъ мало хотѣлъ смѣшать психологію и этику съ національною экономіей Милль, когда онъ называлъ послѣднюю наукой психологической и этической. Моимъ лозунгомъ всегда было: раздѣленіе науки на спеціальныя области по матеріалу и методу, точное изученіе отдѣльныхъ вопросовъ и изоляція отдѣльныхъ предметовъ, но приступаніе ко всякому изъ нихъ съ универсальною историко-философской и соціологической подготовкой ума, которая дѣлаетъ изучающаго способнымъ понимать единичное, какъ часть цѣлаго. Въ нашей области это послѣднее требованіе должно быть соблюдаемо тѣмъ строже, что, какъ то убѣдительно показалъ Г. Спенсеръ, всѣ психическія причины неразрывно связаны между собою, и всѣ общественныя явленія—начиная съ соціальныхъ влеченій и кончая хозяйственными и политическими установленіями — имѣя общія причины, также состоятъ между собою въ неразрывной связи, тогда какъ явленія внѣшней природы легко могутъ быть раздѣлены на такіе классы, которые поддаются и отдѣльному, самостоятельному изученію.

Послѣ всего вышесказаннаго намъ можно будетъ стать въ опредѣленное отношеніе и къ спору о томъ, должны ли народнохозяйственныя изысканія всегда отправляться отъ индивидуума или отъ коллективныхъ явленій. Первое требованіе было лозунгомъ старой англійской національной экономіи, а въ послѣднее время оно настойчиво поддерживалось, напр., Джономъ, который въ доказательство приводилъ,

что только „единичный случай“ доступенъ наблюденію. Второе требованіе часто выставлялось основателями исторической школы. Но самая постановка вопроса въ формѣ „или то, или другое“ — невѣрна. Какъ не существуетъ общаго правила насчетъ того, должно ли всякое изслѣдованіе отправляться отъ причины или отъ дѣйствія, такъ же мало въ нашей наукѣ можно утверждать, чтобы слѣдовало всегда отправляться отъ индивидуума или всегда отъ коллективныхъ явленій. Мы всегда должны идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а такимъ извѣстнымъ, т.-е. раньше наблюденнымъ, могутъ быть психическія свойства и дѣйствія индивидуумовъ, и психическія свойства и дѣйствія цѣлыхъ человѣческихъ группъ, и явленія цѣнъ, и экономическія перемѣны, и перемѣны государственнаго устройства, и другія общественныя массовыя явленія; отъ этого точно наблюденнаго и приходится уже идти или назадъ—къ причинамъ, или впередъ—къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Да и допустивши даже, что начинать наблюденіе всегда слѣдуетъ съ единичнаго случая, нельзя было бы согласиться, что человѣческіе индивидуумы всегда представляютъ собою таковой: человѣкъ тоже сложное цѣлое, а человѣческія группы, дѣйствующія заодно на полѣ битвы, на рынкѣ, въ соціальной или политической борьбѣ, вполнѣ могутъ считаться „единичными случаями“. Все единичное при ближайшемъ разсмотрѣніи является безконечно сложнымъ, и „единичный случай“ есть только то изъ нами наблюденнаго, что́ нашимъ процессомъ мысли разсматривается какъ нѣчто цѣлое.

Къ высказанному нами выше утвержденію, что обыкновенно много причинъ дѣйствуетъ совмѣстно, мы, чтобы не быть невѣрно понятыми, должны прибавить еще слѣдующее. Какъ ни выгодно для изслѣдователя знать и обозрѣ-

вать по возможности всѣ участвующія въ дѣлѣ причины, все же отнюдь нѣтъ надобности входить въ разсмотрѣніе ихъ всѣхъ въ каждомъ отдѣльномъ изслѣдованіи. При многихъ спеціальныхъ вопросахъ народнохозяйственнаго характера мы можемъ прямо допустить извѣстные комплексы причинъ естественныхъ, опредѣленный правовой порядокъ и опредѣленное расчлененіе на классы, наконецъ—опредѣленные психологическіе типы и изслѣдовать уже только то, какъ при всѣхъ сдѣланныхъ допущеніяхъ типы эти дѣйствуютъ въ такихъ-то и такихъ-то случаяхъ и въ видоизмѣненіяхъ этихъ случаевъ. Когда, напримѣръ, рѣчь идетъ о Западной Европѣ и ея современныхъ крупныхъ коммерсантахъ, можно прямо предположить, что на биржѣ и на рынкѣ дѣйствіями этихъ людей, какъ класса, управляетъ въ среднемъ то влеченіе къ пріобрѣтенію, которое уже было опредѣлено и описано въ конкретномъ изображеніи. Этимъ, конечно, вовсе не предполагается, чтобы, какъ утверждаетъ Милль, всѣ дѣйствія всѣхъ людей вытекали исключительно изъ ихъ стремленія къ богатству. Не предполагается и того, чтобы отношеніе людей къ вещественнымъ благамъ было неизмѣнно, какъ того хочетъ Рау. Спорною представляется и законность такой (формулированной А. Вагнеромъ въ 1876 г.) гипотезы частнохозяйственной системы: „Собственный интересъ—стремленіе къ умноженію имущества — неизбѣжно долженъ приниматься за величину или силу постоянную, всегда во всѣхъ связанныхъ отношеніями лицахъ одинаковую и одинаково дѣятельную, слѣдовательно—абсолютную“. Я думаю, что такія положенія легко могутъ привести къ ложнымъ заключеніямъ: только люди даннаго рода и въ данное время проявляютъ въ среднемъ данное влеченіе къ пріобрѣтенію; у крупныхъ торговцевъ оно—иное, чѣмъ у

мелкихъ, у мелкихъ — иное, чѣмъ у крестьянъ, ремесленниковъ и рабочихъ. Даже въ средѣ одного и того же класса оказываются большія различія; такъ среди директоровъ банковъ, купцовъ, спекулянтовъ, только-что въ большомъ числѣ опрошенныхъ нѣмецкою биржевою анкетной коммиссіей, при всемъ единомысліи по извѣстнымъ основнымъ пунктамъ, различныя группы—болѣе высоко стоящихъ и тонко чувствующихъ съ одной стороны, болѣе грубыхъ съ другой—все же значительно разошлись во взглядахъ на то, что́ можно считать за естественное и законное влеченіе къ пріобрѣтенію, за саму по себѣ понятную причину коммерческаго образа дѣйствій. Такимъ образомъ, всякій видъ и всякая степень влеченія къ пріобрѣтенію должны считаться совокупнымъ результатомъ извѣстныхъ чувствъ, нравовъ и правовыхъ привычекъ, которыя должны быть изучены и описаны какъ свойства того или иного класса или же какъ свойства извѣстныхъ расъ и народовъ. Всѣ выводы изъ этихъ свойствъ законны постольку, поскольку можетъ быть принято, что люди данной группы одинаковы или почти одинаковы и сходны. А такъ какъ, вообще говоря, это можетъ быть принято, то совершенно правильны тѣ выводы, которые не принимаютъ въ расчетъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ участвуютъ и другіе мотивы, что встрѣчаются и небольшія видоизмѣненія изображеннаго психологическаго типа. При изученіи крупныхъ и сложныхъ явленій въ большинствѣ случаевъ неизбѣжно игнорировать побочныя причины и побочныя сопутствующія условія, сосредоточиваясь лишь на причинахъ главныхъ.

Затѣмъ мы въ нѣсколькихъ словахъ должны еще вернуться къ противоположности естественныхъ и психическихъ причинъ хозяйственнаго процесса. Первыя дѣйствуютъ механически, послѣднія — по законамъ психической моти-

ваціи. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ мы признаемъ существованіе строгой причинности, иначе немыслима была бы какая-либо наука объ обществѣ и народномъ хозяйствѣ, какъ немыслимы воспитаніе и прогрессъ, если не принять, что чрезъ опредѣленные психическіе факторы достигаются и опредѣленныя дѣйствія. И однако, благодаря безконечной сложности всѣхъ психическихъ процессовъ, тайнѣ, которою облечена для насъ сила вліянія великихъ людей, чувству свободы, нераздѣльно связанному со всѣми нашими дѣйствіями, благодаря темнотѣ, еще царящей надъ произвольными волевыми актами, которые столь же часто представляются намъ продуктами прошлаго, какъ и новыми центрами силъ и исходными пунктами высшаго развитія, — детерминисты и защитники свободы воли и понынѣ расходятся между собою, одни въ большей, другіе въ меньшей степени. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе этого спорнаго вопроса. Поэтому мы скажемъ только, что внѣ общаго закона достаточныхъ причинъ нѣтъ науки вообще, нѣтъ ея и въ области духовной жизни. Но причины процессовъ психическихъ существенно различны отъ причинъ процессовъ механическихъ; послѣднія основанія психическихъ процессовъ еще такъ мало разъяснены, что практическія науки, какъ наука о народномъ хозяйствѣ, вынуждены, предоставивъ спорные вопросы этикѣ и психологіи, не смущаясь ими, продолжать свой путь психологическаго и детальнаго изслѣдованія, изучая людей обыкновенныхъ и людей необыкновенныхъ, изучая природныя ихъ свойства, условія ихъ среды, ихъ дѣятельность и вліяніе.

Что въ зависимости отъ предмета изслѣдованія на первый планъ выступаетъ то группа причинъ физическихъ и біологическихъ, то группа причинъ психическихъ, — это

понятно. Милль въ одномъ мѣстѣ нѣсколько шаблонно и односторонне формулируетъ эту противоположность такимъ образомъ, что производство народнаго богатства зависитъ отъ причинъ естественныхъ, а распредѣленіе—отъ причинъ моральныхъ; производство зависитъ во всякомъ случаѣ и отъ этическихъ факторовъ прилежанія, трудолюбія, предпріимчивости, отъ успѣховъ нашихъ знаній и т. п. Я скорѣе сказалъ бы, что чѣмъ выше поднимается культура, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ причины психо-этическія, и что неудовлетворительность старой національной экономіи находится въ зависимости между прочимъ и отъ того, что она пренебрегала этою большей и важнѣйшей половиною причинъ. Вундтъ, говоря о возрастающемъ вліяніи соціальной этики на общественныя науки и на состояніе общества, замѣчаетъ, что въ наукѣ права и въ государственной наукѣ соціальная этика получила уже полное признаніе, въ національной же экономіи переворотъ въ этомъ направленіи еще только постепенно подготовляется, но тѣмъ сильнѣе будутъ его дѣйствія. Этимъ онъ, очевидно, хочетъ сказать, что въ будущемъ наука и жизнь въ большей степени подчинены будутъ этическимъ вліяніямъ. Обратный въ нѣкоторомъ родѣ ходъ мыслей представляютъ собою разсужденія сторонниковъ Маркса, которые всю высшую умственную культуру, всю политическую и религіозную жизнь хотятъ вывести изъ формъ хозяйственно-техническаго процесса производства, хотятъ, напр., объяснить экономическими условіями христіанство или реформацію. Никто, конечно, не отрицаетъ связи и взаимодѣйствія между различными сферами жизни, но нельзя не отрицать возможности исчерпывающаго причиннаго объясненія такого рода. Изумительно, какъ далеко за предѣлы круговъ соціалистическаго мышленія распростра-

лось это грубо-матеріалистическое направленіе, противъ котораго еще Джонъ Ст. Милль въ своей Логикѣ приводилъ уничтожающіе доводы. Съ методологической точки зрѣнія оно врядъ ли стоитъ много выше заблужденій Бокля и его послѣдователей, которые думали, что изъ пищи, географической широты мѣстности и тому подобныхъ факторовъ прямо могутъ быть выведены психическія свойства людей и ихъ общественное устройство.

Другое заблужденіе, на которое слѣдуетъ указать,— то, когда исходнымъ пунктомъ научнаго изслѣдованія вообще дѣлаютъ не вопросъ о причинахъ, а вопросъ объ аксіомахъ и послѣднихъ элементахъ. Мнимая аналогія съ математикой и въ частности съ геометріей привела къ тому, что и для народнохозяйственной науки хотѣли найти нѣсколько простыхъ посылокъ, изъ которыхъ можно дѣлать всѣ дальнѣйшіе выводы. Въ Англіи такія высшія „propositions“ выставляли Сеніоръ, Кернсъ и др.; первый, какъ извѣстно, выставилъ четыре положенія, которыя онъ однако выводитъ изъ опыта и сознанія; эти положенія содержатъ по крайней мѣрѣ хоть общія сужденія о причинныхъ отношеніяхъ, именно о хозяйственномъ образѣ дѣйствій, возрастаніи населенія, дѣйствіи капитала и ограниченности сельскохозяйственнаго производства. Нѣмецкіе послѣдователи этихъ ученыхъ, въ особенности К. Менгеръ и Саксъ, выражаются гораздо темнѣе. Первый утверждаетъ, что его послѣдніе простые элементы добыты частію путемъ эмпирико-реалистическаго анализа, изъ чего слѣдуетъ, что другою частію они должны быть апріористическими; онъ употребляетъ затѣмъ выраженіе „апріористическія аксіомы“, но не выясняетъ, тождественны ли онѣ съ его послѣдними элементами и факторами; факторами онъ называетъ потребности и стремленіе къ ихъ полному удовлетворенію. Саксъ на-

зываетъ послѣдними элементами и факторами въ одномъ мѣстѣ эгоизмъ, мутуализмъ и альтруизмъ, въ другомъ — потребности, блага, трудъ. Такимъ образомъ дѣло идетъ здѣсь о совершенно отвлеченныхъ общихъ понятіяхъ, причемъ о дѣйствіяхъ ихъ какъ причинъ даже и не высказывается ничего конкретнаго. Понятія эти—что̀ угодно, только не аксіомы, т.-е. всякому сами собою очевидныя истины. Во всякомъ случаѣ это не причинныя сужденія, которыя одни только и могутъ быть базисомъ какой бы то ни было науки о реальныхъ предметахъ. Поэтому остальная нѣмецкая наука (какъ напр. Лезеръ, Неймапъ и я) рѣшительно отклонила эти идеи, и даже такой почитатель Менгера, какъ А. Вагнеръ, въ этомъ рѣшающемъ основномъ его тезисѣ нигдѣ къ нему не присоединился.

Наиболѣе, быть можетъ, удавшеюся попыткой выставить въ качествѣ исключительной причины единый принципъ, единую силу, является попытка Дитцеля, который изъ хозяйственнаго стремленія человѣка къ матеріальнымъ благамъ,—стремленія, прямо отождествляемаго имъ съ принципомъ хозяйственности въ поведеніи,—обѣщаетъ вывести абстрактную теорію соціальнаго хозяйства въ противоположность конкретной наукѣ о народномъ хозяйствѣ, чего въ дѣйствительности онъ, конечно, не исполнилъ. Но если онъ хочетъ сказать этимъ лишь то, что при отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ можно нѣкоторыя второстепенныя причины игнорировать, а то или другое соціальное дѣленіе на классы, тотъ или другой правовой порядокъ, то или другое мѣновое общество предполагать уже данными, безъ спеціальнаго ихъ изслѣдованія,—тогда этимъ утверждается лишь дозволительность извѣстнаго методологическаго пріема, противъ котораго никто и не сталъ бы возражать, если только онъ примѣняется правильно и искусно, если не

упускается изъ вида ничего существеннаго и въ основу изслѣдованія, въ силу этого, не кладутся каррикатуры дѣйствительности; или же это—мнѣніе, что въ неопредѣленномъ понятіи хозяйственности, которое въ концѣ концовъ означаетъ лишь раціональный образъ дѣйствія, найдена одна общая ясная причина всего народнохозяйственнаго процесса,—причина, изъ которой могутъ быть выведены какъ раздѣленіе на классы и правовой порядокъ, такъ и все производство, и весь мѣновой оборотъ; въ такомъ случаѣ и у Дитцеля мы встрѣчаемся съ напрасною попыткой спасенія старыхъ абстрактныхъ теорій, со смѣшеніемъ аксіомы и причины, съ игнорированіемъ дѣйствительныхъ причинъ хозяйственныхъ дѣйствій, съ заключеніями, основанными на ошибочной аналогіи съ математикой и отвлеченной юриспруденціей. Эти послѣднія науки отправляются въ своихъ заключеніяхъ отъ немногихъ логическихъ посылокъ общаго характера, наука же о народномъ хозяйствѣ, какъ и всякая наука о реальныхъ предметахъ, стремится отыскивать причины; она можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимать въ расчетъ лишь главныя причины, оставляя побочныя въ сторонѣ, но никогда не должна смѣшивать причины съ логическимъ основаніемъ.

Съ выведеніемъ законовъ цѣнъ изъ аксіомъ или послѣднихъ элементовъ сходны и попытки Госсена, Вальраса, Лаунгардта, Джевонса, а въ послѣднее время Аушпитца и Либена основать математическую науку о народномъ хозяйствѣ: здѣсь дѣло идетъ всегда о томъ, чтобы съ помощью графическихъ изображеній и алгебраическихъ формулъ и выводовъ точно выразить количественныя отношенія предложенія и спроса, а изъ полученныхъ такимъ путемъ возможно простыхъ посылокъ извлечь заключенія въ математической формѣ. Нельзя отрицать, что въ этой формѣ резуль-

таты абстрактной теоріи могутъ быть представлены въ изящномъ и точномъ видѣ, что заключенія здѣсь часто достовѣрнѣе, чѣмъ при обыкновенномъ изложеніи, а наглядность нѣкоторыхъ процессовъ выше, въ особенности для умовъ, математически воспитанныхъ. Но какихъ-либо новыхъ замѣчательныхъ результатовъ и истинъ методъ этотъ не далъ, и если онъ претендуетъ на значеніе чего-либо бо́льшаго, нежели особаго способа иллюстраціи того, что́ уже ранѣе извѣстно, то въ основѣ его кроется непониманіе природы народнохозяйственныхъ явленій и ихъ причинъ. Построенія и формулы его пользуются элементами, которые въ дѣйствительности не поддаются опредѣленію и измѣренію и, вставляя для психическихъ причинъ и недоступныхъ измѣренію условій рынка фиктивныя величины, они создаютъ обманчивый видъ точности, которой на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

Индуктивный и дедуктивный методъ.

Какъ же, однако, мы приходимъ къ познанію отдѣльныхъ причинъ? Если въ смѣнѣ явленій B постоянно слѣдуетъ за A, они связываются въ нашемъ воображеніи въ ассоціацію идей; какъ только я вижу что-либо тождественное или подобное B, я думаю объ A, начинаю доискиваться, имѣло ли мѣсто A. Если я и дѣйствительно много разъ вновь и вновь наблюдаю такую связь, то „могущественное, всюду дѣйствующее стремленіе къ обобщенію“, какъ выражается Зигвартъ, вынуждаетъ меня принять ее за постоянную, а если я достигъ твердаго убѣжденія въ однообразномъ ходѣ явленій, я объявляю A причиной B, если считаю A и одно только A безусловнымъ и необходимымъ предшествующимъ B. Ассоціація

идей, очевидно, есть здѣсь только выраженіе внутренней связи A и B,—того факта, говоря словами Гефдинга, что A и B—члены одного и того же процесса, части одного и того же цѣлаго. Принципъ причинности такимъ образомъ сводится по Гефдингу къ принципу тождества. То, что всегда и необходимо слѣдуетъ одно за другимъ, мы называемъ причиною и дѣйствіемъ. Умъ нашъ успокоивается, когда получаетъ возможность видѣть въ отдѣльномъ наблюденномъ явленіи случай общаго правила; онъ необходимо долженъ постоянно создавать себѣ такія правила, тѣмъ болѣе приближающіяся къ истинѣ, чѣмъ совершеннѣе наблюденіе, на которомъ они построены, и чѣмъ неизмѣннѣе они, въ данной формѣ и данныхъ границахъ, оправдываются дальнѣйшимъ ихъ примѣненіемъ.

Это мы и называемъ индукціей. Она отправляется отъ отдѣльнаго наблюденія и подыскиваетъ правило, которымъ наблюденное объяснялось бы, которымъ истинное относительно наблюденныхъ случаевъ признавалось бы истиннымъ относительно цѣлаго класса явленій. Чѣмъ явленіе сложнѣе и чѣмъ несовершеннѣе наше наблюденіе, въ особенности при такихъ сложныхъ предметахъ, которые зависятъ отъ цѣлой совокупности различнѣйшихъ причинъ, тѣмъ труднѣе найти подходящее правило, тѣмъ чаще мы приходимъ лишь къ гипотезамъ, къ предварительнымъ предположеніямъ о порядкѣ послѣдовательности. Но и ими мы все же затѣмъ пользуемся для дальнѣйшихъ заключеній.

Въ дальнѣйшемъ пользованіи добытыми путемъ индукціи правилами причинныхъ отношеній и состоитъ дедукція, которая зиждется на томъ же стремленіи, на той же вѣрѣ, на той же потребности нашего разума, какъ и индукція. Что было вѣрно въ правильно наблюденныхъ случаяхъ, не можетъ не быть вѣрнымъ во всѣхъ вполнѣ одинаковыхъ случаяхъ;

правило затѣмъ только и отыскивалось, чтобы примѣнять его дальше; всякое правило высказываетъ объ извѣстномъ классѣ подлежащихъ извѣстное сказуемое, какое-либо дѣйствіе, какое-либо свойство; анализъ понятій, являющихся подлежащимъ и сказуемымъ, показываетъ, что въ данномъ правилѣ заключено, куда оно подходитъ, какіе случаи могутъ быть подъ него подведены, что оно можетъ объяснить.

Ясно, что цѣль всякой науки—накопленіе такихъ правилъ; чѣмъ большимъ числомъ ихъ она располагаетъ, тѣмъ лучше. Каждый малѣйшій даже шагъ нашего мышленія контролируется ранѣе установленными истинами и правилами, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи, связывается съ выводами изъ нихъ. Никакое наблюденіе и описаніе и никакая новая индукція не обходятся безъ примѣненія достовѣрнаго уже знанія, и ко всякому новому, еще не объясненному наблюденію мы прежде всего, какъ бы шутя, примѣряемъ цѣлый рядъ имѣющихся у насъ въ головѣ принциповъ, правилъ, истинъ, въ надеждѣ, не разъяснятъ ли они дѣла; крупныя пріобрѣтенія во всѣхъ наукахъ дѣлаются именно такъ. И послѣдняя повѣрка всякаго индуктивно добытаго положенія въ томъ и заключается, чтобы при дедуктивномъ примѣненіи оно постоянно оказывалось вѣрнымъ.

Отсюда видно, какъ тѣсно связаны индукція и дедукція. Логическій пріемъ, составляющій основу индукціи, есть, какъ показали Джевонсъ, Зигвартъ и Вундтъ, не что иное, какъ обращеніе силлогизма, употребляемаго въ дедукціи. Я уже многіе годы твержу учащимся, что индукція и дедукція такъ же равно необходимы для научнаго мышленія, какъ правая и лѣвая нога для ходьбы. Я постоянно указывалъ на то, что если бы мы владѣли уже всею истиной, мы употребляли бы только дедукцію, что всякій успѣхъ

индукціи доставляетъ намъ положенія, которыми можно пользоваться для дедукціи, что наиболѣе совершенныя науки наиболѣе и дедуктивны. Поэтому и утвержденіе, не разъ высказывавшееся за послѣднее время,—будто тѣ, кто теперь, въ противность Миллю, Кернсу и Менгеру, требуютъ бо́льшаго пользованія индукціей, хотѣли бы исключить всякую дедукцію,—не можетъ относиться ни ко мнѣ, ни къ кому-либо другому, кто имѣетъ ясное представленіе о методахъ логики. Чрезмѣрно раздутый въ литературѣ споръ идетъ въ сущности лишь о томъ, въ какой мѣрѣ дедукція достаточна въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ, какъ далеко наука наша успѣла уйти, какой запасъ вѣрныхъ причинныхъ сужденій уже имѣется въ ея распоряженіи или можетъ быть ею заимствованъ изъ другихъ наукъ, главнымъ образомъ изъ психологіи. Кто, какъ англійскіе эпигоны Адама Смита, считаетъ политическую экономію почти законченною, для того она, конечно, наука чисто дедуктивная. Бокль въ своемъ надутомъ самодовольствѣ заявляетъ: „политическая экономія по существу такая же дедуктивная наука, какъ геометрія“. Удивительно только, что подобное же мнѣніе высказываютъ люди, которые признаютъ малую разработанность нашей науки. Они при этомъ, очевидно, думаютъ только о болѣе простыхъ задачахъ и болѣе разработанныхъ частяхъ нашей науки, каковы ученія объ обмѣнѣ, цѣнности и деньгахъ, гдѣ главныя явленія могутъ быть выведены дедуктивно изъ одной или нѣсколькихъ психологическихъ посылокъ. Кто изучаетъ феномены болѣе сложные, хотя бы, напр., соціальные вопросы, для того не можетъ не быть яснымъ, до какой степени еще необходима здѣсь индукція. Теперешній споръ между такъ называемыми приверженцами дедукціи и приверженцами индукціи проще всего объясняется исто-

ріею нашей науки. Было естественно, что въ XVIII столѣтіи она, исходя изъ отдѣльныхъ, довольно ограниченныхъ данныхъ опыта и общепризнанныхъ психологическихъ фактовъ, пыталась на первыхъ порахъ проникнуть какъ можно дальше впередъ посредствомъ дедукціи; всякая молодая наука такъ поступаетъ. Лишь мало-по-малу могло положить себѣ путь сознаніе недостаточности имѣющихся предпосылокъ, и только когда убѣдились въ невѣрности или неправильности слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній, могло возникнуть требованіе болѣе широкаго примѣненія индукціи или, вѣрнѣе, требованіе болѣе широкаго и строгаго наблюденія и описанія, которыя равно необходимы какъ для индукціи, такъ и для дедукціи.

Въ зависимости отъ личной склонности и рода подготовки, отъ задачъ и вопросовъ, съ которыми имѣютъ дѣло, отъ большей или меньшей ширины круга изслѣдуемыхъ предметовъ, отдѣльные изслѣдователи становятся на ту или другую сторону,—на сторону стараго или новаго направленія,— или же стараются ихъ примирить. Совершенно особеннымъ образомъ, крайне противорѣчиво, а потому лишь затемняя дѣло, дѣйствовалъ въ послѣднемъ направленіи уже Дж. Ст. Милль, на котораго поэтому равно могутъ ссылаться противоположныя партіи. Этотъ тонкій, на рѣдкость острый и образованный, но въ такой же мѣрѣ шаткій и склонный къ приспособленію умъ, часто мѣняющій свое направленіе какъ флюгеръ, будучи 20—23-лѣтнимъ юношей, весь полный въ то время абстрактными и радикальными идеями XVIII вѣка и чуждающагося исторіи Бентама, не зная ни людей, ни практической жизни, выставилъ лозунгомъ, что національная экономія — наука чисто дедуктивная, такъ какъ она не можетъ дѣлать опытовъ, а можетъ изъ желанія богатства выводить свои существенныя положенія, какъ гипотетиче-

скія истины. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ познакомился съ Огюстомъ Контомъ, который допускаетъ только историческое и индуктивное изученіе вопросовъ, да и помимо этого идеи XIX вѣка, какъ онъ самъ говоритъ, все болѣе и болѣе имъ овладѣвали и, несмотря на его сопротивленіе, мало-помалу передѣлывали всѣ его представленія, и вотъ въ его главныхъ сочиненіяхъ, въ особенности въ его Логикѣ, мы находимъ удивительную смѣсь совершенно противорѣчивыхъ тезисовъ о методѣ національной экономіи и соціальныхъ наукъ. Джевонсъ врядъ ли отзывается слишкомъ сурово, говоря, что по каждому изъ главныхъ пунктовъ у Милля бываетъ отъ трехъ до шести непримиримыхъ одно съ другимъ мнѣній одновременно. Но первоначальные его взгляды все же выступаютъ всего рельефнѣе, и ихъ-то главнымъ образомъ и держатся еще и теперь его нѣмецкіе почитатели, которые думаютъ, что они должны защищать дедукцію противъ вторженія индуктивной школы.

Выставивъ противъ бентамовской философіи личнаго интереса то положеніе, что строить какую-либо науку лишь на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ дѣйствующихъ силъ, которыми явленія опредѣляются,—противно духу философіи, что надо стараться ввести въ область науки всѣ вліянія, Милль черезъ нѣсколько страницъ учитъ, что дѣйствія, относящіяся къ производству и распредѣленію хозяйственныхъ благъ, опредѣляются главнымъ образомъ желаніемъ богатства, и что на этомъ тезисѣ и строится поэтому отдѣльная наука національной экономіи. Правда, онъ тотчасъ же вынужденъ прибавить, что даже національной экономіи, и притомъ именно по нѣкоторымъ самымъ важнымъ вопросамъ, приходится вводить цѣлый рядъ другихъ причинъ, каковы отвращеніе къ труду, стремленіе къ дорогимъ наслажденіямъ, причины, вызывающія передвиженіе населенія, и что вообще національной эко-

номіи въ цѣляхъ практической пользы приходится отступать отъ строго-научной послѣдовательности. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что того, что вѣрно относительно англичанина, конечно, нельзя еще утверждать относительно француза, и, говоря о національномъ характерѣ различныхъ народовъ, онъ заявляетъ, что поскольку этотъ послѣдній имѣетъ значеніе, отдѣльная наука, какъ національная экономія, безсильна дать достаточное объясненіе, тутъ должна придти на помощь общая наука объ обществѣ, которая и изслѣдуетъ всѣ обстоятельства, оказывающія вліяніе на извѣстный народъ; въ особенности это можно утверждать о формахъ правленія. Но не также ли обстоитъ дѣло и по вопросу о хозяйственномъ строѣ?

Разсужденіе, что нѣтъ истинной индукціи тамъ, гдѣ, какъ въ народномъ хозяйствѣ, дѣло идетъ о сложныхъ причинахъ и дѣйствіяхъ, Милль повторяетъ довольно часто и пытается доказать его грубымъ примѣромъ, что общее изслѣдованіе по вопросу о томъ, обогащаетъ ли страну система охранительныхъ пошлинъ, не можетъ привести ни къ какимъ результатамъ. Онъ не замѣчаетъ при этомъ только того, что самая постановка вопроса у него невѣрна, именно — слишкомъ обща. Болѣе спеціальныя изслѣдованія, какъ напр., изслѣдованія Зеринга — о германскихъ пошлинахъ на желѣзо, Зомбарта — объ итальянской торговой политикѣ и нѣкоторыя болѣе новыя подобныя сочиненія показываютъ, что работы, правильно анализирующія отдѣльные вопросы, съ значительной достовѣрностью выясняютъ намъ, при какихъ именно условіяхъ охранительныя пошлины возвышаютъ благосостояніе. Разумѣется, при этомъ остается вѣрнымъ, что индукція тѣмъ труднѣе, чѣмъ сложнѣе предметъ изученія, и что отсутствіе эксперимента является неудобствомъ. Кэнсъ, однако, недавно справедливо указалъ на то, что

и въ хозяйственной жизни частію производятся прямые эксперименты въ видѣ дѣйствій администраціи и правительства, частію косвенно получается нѣчто подобное эксперименту, именно при наступленіи различныхъ событій среди равенства прочихъ условій. Но кромѣ того, отрицая возможность индукціи, Милль упускаетъ изъ вида, что возможно спеціализированное наблюденіе все бо́льшаго числа случаевъ и сравненіе одинаковыхъ или сходныхъ явленій всегда представляютъ собою замѣну эксперимента, только они ведутъ къ цѣли гораздо медленнѣе и болѣе дальнимъ путемъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ, впрочемъ, это и признаетъ. Онъ съ особенной настойчивостью отмѣчаетъ, что его дедуктивный методъ основывается на предшествующей индукціи и требуетъ повѣрочной послѣдующей индукціи. Развивая мысль, что въ общественныхъ наукахъ достаточны обобщенія приблизительныя (напр., „большая часть людей извѣстной страны, извѣстнаго класса, извѣстнаго возраста обладаютъ тѣми или другими свойствами“), Милль самъ говоритъ, что обобщенія эти добыты „путемъ достаточныхъ индукцій“. При изложеніи такъ называемаго обратно-дедуктивнаго или историческаго метода, который онъ заимствуетъ у Конта и который въ сущности не что иное, какъ та же индукція, онъ допускаетъ, что можно наблюдать и изображать общія состоянія извѣстнаго народа и отсюда выводить правила существованія и послѣдовательности, которымъ затѣмъ, конечно, надо попытаться дать окончательное психологическое объясненіе. Его ученія о ложной индукціи, о ложной аналогіи и тому подобномъ представляютъ полезныя указанія, какъ не слѣдуетъ пользоваться индукціею, но они не доказываютъ, чтобы оставленныя имъ въ своей Логикѣ полныя преувеличенія цитаты изъ его юношескихъ произведеній относительно исключительнаго права дедукціи на господство въ національной экономіи были основательными.

Наконецъ, главное основаніе его пристрастія къ дедукціи, именно то положеніе, что и массовыя проявленія всѣхъ психическихъ феноменовъ могутъ быть выведены изъ индивидуальной психологіи, вѣрно лишь отчасти. Несомнѣнно, исходнымъ пунктомъ психологическаго изслѣдованія всегда является индивидуумъ. Но взаимное дѣйствіе и противодѣйствіе психическихъ стремленій сходныхъ и различныхъ между собою людей—вещь совершенно особая, которая отнюдь не можетъ быть сведена къ сложенію и вычитанію силъ. Рюмелинъ справедливо говоритъ: „Совокупный эффектъ многихъ индивидуальныхъ силъ не есть, какъ въ механикѣ, сумма или произведеніе“. Всякій знаетъ, какъ, чрезъ сознаніе единодушія, психическія силы возрастаютъ въ гораздо большей прогрессіи, чѣмъ это соотвѣтствовало бы числу единомышленниковъ, какъ 20 собраній изъ 50-ти разумныхъ людей каждое, которыя порознь приходятъ къ разумнымъ заключеніямъ, будучи соединены въ одно собраніе, часто принимаютъ неразумныя рѣшенія, какъ каждая совокупность воль, соединяясь въ одно цѣлое, частію выигрываетъ въ силѣ, частію взаимно нейтрализуется. Короче, насколько вѣрно то положеніе, что вполнѣ законченная психологія индивидуума и массъ дала бы національной экономіи возможность примѣнять преимущественно дедукцію, настолько же при теперешнемъ состояніи психологіи оказывается недостаточнымъ для этого тотъ запасъ истинъ, которымъ она владѣетъ. Нужныя истины еще должны быть отысканы и частію именно съ помощью психолого-народнохозяйственныхъ индукцій.

Прибавимъ еще, что мнѣнія Милля по этимъ вопросамъ связаны съ однимъ неудачнымъ уподобленіемъ, пришедшимъ ему въ голову еще въ юности, когда его отецъ и Маколей вели споры о политическихъ предметахъ, а огор-

ченный этимъ конфликтомъ сынъ искалъ выхода изъ него. Онъ пришелъ тогда къ заключенію, что отецъ его, радикальный доктринеръ, стремится рѣшать общественные вопросы геометрически, а Маколей, въ качествѣ историка ссылавшійся на опытъ, рѣшаетъ ихъ химически, именно утверждаетъ, что изъ соединенія двухъ причинъ возникаютъ общественныя послѣдствія совсѣмъ новаго рода, какъ въ химіи изъ двухъ элементовъ возникаетъ новое вещество, свойства котораго ничего не имѣютъ общаго съ свойствами элементовъ. То и другое, рѣшилъ Милль, неправильно: нужно употреблять методъ не геометрическій и не химическій, а физическій. И за эту несостоятельную метафору химическаго и физическаго методовъ общественныхъ наукъ онъ не только держался всю жизнь, но прибавилъ къ этому еще и то смѣлое утвержденіе, что люди, которые разсуждаютъ о политикѣ, не ошибались бы такъ часто, если бы были лучше знакомы съ методами физическаго изслѣдованія. Что занятія исключительно естественными науками и математикою, какъ общее правило, дѣлаютъ людей неспособными къ сужденію о вопросахъ политическихъ и народнохозяйственныхъ, это, для меня по крайней мѣрѣ,—стоящій внѣ сомнѣнія опытъ цѣлой жизни, и простою причиной этого является самое различіе явленій, подлежащихъ наблюденію, различіе методовъ и преобладающихъ навыковъ мысли.

Правильности и законы.

Неизмѣнно однообразное въ своемъ цѣломъ движеніе природы, возвращеніе дня и ночи, лѣта и зимы, луны и звѣздъ, такъ же какъ возвращеніе голода и жажды, бодрствованія и сна, юности и старости, — все это безъ со-

мнѣнія содѣйствовало образованію въ человѣческой душѣ способности воспоминанія, привело людей къ сравниванію и различенію, а позднѣе и къ изслѣдованію причинъ этихъ правильностей; съ другой стороны, этотъ же твердый и ритмическій ходъ повторяющихся явленій природы сталъ для человѣка поводомъ къ тому, чтобы въ опредѣленное время постоянно вновь дѣлать одно и то же, чтобы планомѣрно распредѣлять часы дня и дни года и соотвѣтственно этому планировать жизнь.

И наука народнаго хозяйства вначалѣ вся сосредоточилась на констатированіи возврата одинаковыхъ явленій. Стали замѣчать одинаковость домашняго хозяйства, одинаковость обмѣна благъ, одинаковость организаціи денежнаго обращенія, раздѣленія труда, одинаковость хозяйственныхъ классовъ, одинаковость взаимныхъ отношеній предпринимателей и рабочихъ; открыли одинаковое повтореніе въ движеніяхъ цѣнъ, одинаковое вліяніе хорошихъ и плохихъ денегъ, обильныхъ и скудныхъ жатвъ, одинаковыя правильности въ числѣ рожденій, смертныхъ случаевъ, браковъ. И чѣмъ легче мало еще воспитанный умъ принимаетъ за тождественное даже и то, что лишь сходно, тѣмъ болѣе на первыхъ порахъ были склонны обращать преимущественное вниманіе на такія болѣе грубыя единообразія и правильности, регистрировать ихъ и въ этой ограниченной суммѣ явленій, правильно сопутствующихъ другъ другу или слѣдующихъ другъ за другомъ, видѣть суть науки. Сопоставленіе нѣсколькихъ типическихъ формъ общественной организаціи и общественнаго обмѣна, а также правильность измѣненія и движенія внутри этихъ формъ, — все это, взятое изъ западно-европейскаго, преимущественно англо-французскаго, быта 1750—1850 годовъ, — вотъ что было предметомъ первоначальной науки о народномъ хозяйствѣ. Формамъ не давалось бли-

жайшаго объясненія; ихъ принимали за нѣчто данное и само собою разумѣющееся; воображали, что онѣ, какъ прямое слѣдствіе человѣческой природы, всегда существовали и теперь существуютъ у всѣхъ народовъ. Причинное объясненіе отыскивалось главнымъ образомъ образованію цѣнъ и распредѣленію дохода между землевладѣльцами, капиталистами (подъ этимъ словомъ разумѣли преимущественно классъ предпринимателей) и рабочими. Выведенныя изъ мнимо-общечеловѣческой природы правила образованія цѣнъ и распредѣленія дохода называли законами, говорили о законѣ спроса и предложенія, о законѣ, что при свободномъ соперничествѣ цѣны тяготѣютъ къ издержкамъ производства, о законѣ земельной ренты, о желѣзномъ законѣ заработной платы, даже о „безчисленныхъ естественныхъ законахъ“ народнаго хозяйства, а немного спустя стали называть закономъ и всякую правильность чиселъ, раскрываемую статистикой, напр. тотъ фактъ, что на 16 дѣвочекъ родится 17 мальчиковъ, что изъ 100 родившихся въ такомъ-то и такомъ-то возрастѣ постоянно умираетъ такая-то и такая-то часть. Изъ наблюденія теперешняго роста государственныхъ издержекъ А. Вагнеръ путемъ отвлеченія вывелъ „законъ роста и расширенія государственной дѣятельности“, а утопическія изображенія соціалистическаго будущаго съ безпроцентнымъ кредитомъ для каждаго Герцка назвалъ „законами соціальнаго развитія“.

Ясно, что́ имѣлось въ виду при этомъ нѣсколько шаткомъ словоупотребленіи: имъ хотѣли усиленно выставить на видъ необходимость наступленія и повторенія извѣстныхъ событій и послѣдствій. У однихъ, какъ у Рошера и Книса, съ этимъ связывалось представленіе, что дѣло идетъ о процессахъ, не зависящихъ отъ человѣческой воли, т.-е. о законахъ природы въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, въ проти-

воположность причинности психической или свободѣ воли; у другихъ явно сказывался взглядъ, что законами слѣдуетъ называть спеціально тѣ объяснимыя причинами правильности, въ результатѣ которыхъ получаются измѣримыя и исчислимыя величины. Во всякомъ случаѣ большинству тѣхъ, которые говорили о „безчисленныхъ законахъ народнаго хозяйства“, болѣе строгое употребленіе слова „законъ“, выработанное въ логикѣ, было неизвѣстно. Радовались тому, что законы можно дюжинами подбирать на дорогѣ, и не хотѣли подумать, что даже въ наукахъ, нынѣ наиболѣе совершенныхъ, до сихъ поръ открыты лишь немногіе дѣйствительные законы, и что всякое такое открытіе всегда праздновалось какъ рѣдкій, начинающій цѣлую эпоху, актъ.

Конечно, въ извѣстномъ смыслѣ — дѣло лишь условія, называть ли законами констатированіе качествъ и признаковъ и повтореніе извѣстныхъ правильностей и формъ, называть ли этимъ именемъ всякую предполагаемую или доказанную причинную связь, или такую только, гдѣ причинныя силы поддаются числовому измѣренію. Но какъ ради точности словоупотребленія и согласованія его съ современною логикой и теоріей наукъ, такъ и въ интересахъ ясности представленій о характерѣ причинности и необходимости въ народномъ хозяйствѣ, все же лучше отказаться отъ этого шаткаго и расплывчатаго употребленія слова „законъ“. Прилѣпляя къ тѣмъ или инымъ утвержденіямъ ярлыкъ „закона“, имъ часто придаютъ этимъ мнимый характеръ необходимости, котораго они въ дѣйствительности не имѣютъ, или же этимъ возводятъ ниже стоящія истины въ достоинство высшихъ и чрезъ это вводятъ въ заблужденіе того, кому впослѣдствіи приходится ихъ примѣнять.

Правда, и современная теорія также не вполнѣ согласна по вопросу о томъ, что́ такое законъ въ строгомъ смыслѣ этого слова; но все-таки ею уже выяснено многое, что́ нашею наукой до сихъ поръ часто оставлялось безъ вниманія. Мы знаемъ теперь, что понятіе закона первоначально, у грековъ, было взято изъ сферы человѣческихъ дѣйствій и регулирующихъ ихъ соціальныхъ постановленій, что затѣмъ, подъ вліяніемъ религіозныхъ представленій, стали говорить о законахъ божественныхъ, и что, наконецъ, съ появленіемъ взгляда на природу какъ на живое цѣлое, понятіе закона перенесено было на правильности природы. Когда въ новѣйшее время все происходящее какъ въ области физической природы, такъ и въ области духа стали разсматривать какъ одно великое цѣлое, всегда и всюду строго подчиненное причинамъ, то пришли къ тому пониманію и представленію закона, которое господствуетъ нынѣ: мы уже не называемъ закономъ эмпирически добытыхъ правильностей, а только тѣ правильности, причины которыхъ нами точно установлены, — а въ такой точности мы имѣемъ увѣренность въ особенности тогда, когда способъ дѣйствія причинныхъ силъ измѣренъ нами числовымъ образомъ. Тѣ же правильности въ послѣдовательности, которымъ мы еще вовсе не можемъ дать объясненія или можемъ дать его лишь предположительно и отчасти, мы, въ противоположность настоящимъ законамъ, обыкновенно называемъ законами эмпирическими, причемъ граница между тѣми и другими, конечно, является неопредѣленною, такъ какъ познаніе причинной связи можетъ находиться въ различныхъ стадіяхъ. Точными законами естествоиспытатели начали называть такіе законы, проявленія которыхъ могутъ быть приведены къ точному числовому выраженію. Цѣлью отыскиванія какихъ бы то ни было зако-

новъ всегда является сведеніе болѣе сложнаго къ болѣе простому; чѣмъ меньше число тѣхъ высшихъ законовъ, изъ которыхъ человѣческій интеллектъ все выводитъ, тѣмъ больше гордости можетъ онъ испытывать. Практическою цѣлью установленія закона является возможность предсказанія, которое даетъ намъ достигнуть полезной въ практическомъ отношеніи власти надъ обстоятельствами.

Но даже и тамъ, гдѣ мы обладаемъ совершенными и точными законами, какъ въ астрономіи и физикѣ, предсказаніе не бываетъ абсолютнымъ, такъ какъ часто мы не имѣемъ возможности добыть всѣхъ данныхъ, ряды причинъ можемъ прослѣдить назадъ лишь не очень далеко, не знаемъ первоначальнаго расположенія элементовъ. Никогда не бываетъ абсолютна и предусматриваемая правильность явленій, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о предметахъ болѣе сложныхъ, въ особенности біологическихъ. Ни одно животное, ни одно дерево не повторяется въ безусловно одинаковомъ видѣ, какъ же могутъ повторяться въ совершенной точности событія и положенія изъ жизни людей? Но это не исключаетъ существованія правильностей въ предѣлахъ типической формы, въ предѣлахъ рѣшающихъ основныхъ чертъ, а эти-то именно правильности мы и стремимся постигнуть и освѣтить законами. Еще менѣе это исключаетъ истину, что тѣ же самыя причины имѣютъ и тѣ же самыя слѣдствія. Поэтому когда Книсъ говоритъ, что при сравненіи хозяйственнаго быта различныхъ эпохъ и странъ мы имѣемъ дѣло не съ законами абсолютно одинаковой причинной связи, а съ законами аналогіи, то это лишь не совсѣмъ удачное выраженіе для той простой истины, что психическія причины, какъ постоянно находящіяся въ состояніи развитія и преобразованія, въ различныя эпохи и въ различныхъ странахъ должны вызы-

вать постольку различныя хозяйственныя формы и явленія, поскольку онѣ измѣнялись сами. Ошибочна не та истина, которую хотѣлъ высказать Книсъ, а его употребленіе слова „законъ“.

Высказывалось и вообще сомнѣніе, не слѣдуетъ ли въ области народнохозяйственныхъ и государственныхъ явленій, а тѣмъ болѣе въ области историческихъ событій, совсѣмъ отказаться отъ того понятія закона, которое формулировано естественными науками. И это, конечно, вѣрно. Если признавать законы лишь тамъ, гдѣ найдены доступныя измѣренію причины, тогда врядъ ли существуютъ хозяйственные и соціальные законы. Даже когда относительно очень постоянныя и простыя психическія причины, во взаимодѣйствіи съ строго опредѣленными фактами физической природы, даютъ результаты, поддающіеся числовому выраженію, какъ напр. цѣны, мы все же не можемъ утверждать, что обусловливающія общественную жизнь влеченія измѣрены въ своей силѣ, такъ какъ причинами измѣненія цѣнъ гораздо чаще бываютъ измѣняющіяся условія жатвы, производства и другія т. п., чѣмъ измѣняющіяся психическія причины. Къ подобному же выводу придетъ и тотъ, кто признаетъ законы лишь тамъ, гдѣ причины могутъ быть сведены къ простымъ послѣднимъ элементамъ. Ясно только, что кто такимъ образомъ отвергаетъ существованіе въ нашей наукѣ настоящихъ, дѣйствительныхъ законовъ, все же можетъ допускать въ ней законы эмпирическіе, и что кто избѣгаетъ выраженія „законъ“,—не отрицаетъ этимъ того, что мы имѣемъ передъ собой широкую область закономѣрности и постигнутыхъ причинъ, что здѣсь вполнѣ возможны общія истины, мнѣнія и теоріи; онъ затѣмъ долженъ допустить, что многія изъ послѣднихъ далеко выходятъ за границы эмпириче-

скаго закона и приближаются къ настоящимъ законамъ, и что поэтому обыкновенное словоупотребленіе, если только оно не слишкомъ смѣло называетъ закономъ всякій правильно повторяющійся фактъ, все же понятно и допустимо.

Выше мы упоминали, что теоріямъ образованія цѣнъ особенно охотно давали названіе „законовъ цѣнъ“; это остается принятымъ и до сихъ поръ. Бёмъ-Баверкъ элегически жалуется на то, что нѣкоторые писатели оставляютъ это словоупотребленіе. Фр. Нейманъ очень умно и проницательно пытался доказать, что въ эпоху развитого денежнаго и мѣнового хозяйства нѣкоторыя психическія причины, въ особенности эгоизмъ — принимаютъ въ цѣлыхъ классахъ общества столь одинаковыя формы и, въ качествѣ дѣйствующихъ общественныхъ силъ, столь одинаково и механически управляютъ хозяйственными процессами, что здѣсь можно допустить хозяйственные законы, „какъ выраженіе для правильнаго, обусловленнаго могуществомъ данныхъ экономическихъ условій, повторенія хозяйственныхъ явленій, проистекающихъ изъ извѣстныхъ мотивовъ“. Такіе законы, говоритъ онъ, по всему вѣроятію надолго остались бы тѣмъ основаніемъ, опираясь на которое, хозяйственному благоразумію возможно было бы предусматривать будущія событія и отклонять грозящія опасности. Онъ, несомнѣнно, правъ, и если то, что̀ онъ называетъ законами, не суть точные законы, то они все же нѣчто существенно большее, чѣмъ эмпирическіе законы въ смыслѣ простой правильности. Это—обобщенія съ объясненіемъ „почему“; будучи выведены для данныхъ классовъ при данномъ состояніи культуры, для этихъ классовъ и ихъ времени они безусловно дѣйствительны. Пока достаточно и этого, уже и это имѣетъ громадную цѣнность.

Вообще, чѣмъ тѣснѣе изслѣдованіе будетъ ограничено

тѣмъ или инымъ опредѣленнымъ состояніемъ хозяйственной культуры, предварительно принимаемымъ за неизмѣнное (что̀ является несомнѣнно дозволительнымъ методологическимъ пріемомъ), тѣмъ легче будетъ правильно схватить важнѣйшія преобладающія психическія и другія причины, вывести изъ нихъ типическія формы организаціи и объяснить ими элементарныя, типически повторяющіяся явленія хозяйственнаго процесса. При этомъ придется довольствоваться обобщеніями приблизительными—иногда болѣе грубыми, иногда болѣе тонкими; побочныя обстоятельства и небольшія модификаціи не будутъ этими обобщеніями приняты во вниманіе. Будутъ ли такія обобщенія называться законами или гипотетическими истинами, во всякомъ случаѣ, если ими пользоваться въ надлежащихъ границахъ, они представляютъ собою великое орудіе познанія и необходимую опору всякой хорошей государственной практики и всякаго хорошаго управленія.

Но они—не послѣднія истины и они держатся на фикціи неизмѣннаго культурнаго состоянія. Наряду съ ними требуется произвести болѣе широкое и болѣе глубокое изслѣдованіе измѣняющихся причинъ и измѣненій всѣхъ народнохозяйственныхъ формъ и явленій. Для этого нужны три вещи: 1) Изслѣдовать преобразованіе психическихъ причинъ въ зависимости отъ этнологическихъ и классовыхъ различій; постараться установить, какъ соотвѣтственно этому и хозяйственное поведеніе людей становится или можетъ стать инымъ. Того, что̀ будетъ такимъ образомъ найдено, лучше не называть психологическими законами. Это названіе умѣстнѣе сохранить для тѣхъ элементарныхъ психологическихъ истинъ, изъ которыхъ помянутыя психологически-историческія измѣненія будутъ выведены. 2) Постараться установить, какія встрѣчаются въ отдѣльности

формы народнохозяйственной организаціи, и какъ онѣ одна изъ другой возникаютъ; какъ смѣняются формы раздѣленія труда, формы предпріятій, формы обмѣна, формы финансоваго хозяйства, формы налоговъ; съ какими опредѣленными другими формами политической и соціальной жизни онѣ всегда идутъ параллельно. При этомъ сначала получатся законы эмпирическіе. Болѣе, чѣмъ таковыми, они будутъ становиться по мѣрѣ того, какъ отысканы будутъ, только лишь отчасти или и полностью, причины преобразованій. До сихъ поръ такіе законы часто называли „законами развитія“. Старая историческая національная экономія указала эту цѣль, новѣйшая исторія хозяйства начала собирать и истолковывать матеріалъ. Чѣмъ болѣе онъ приводится въ связь съ психологическими и народнохозяйственными истинами, которыми мы уже обладаемъ, тѣмъ цѣннѣе становятся пріобрѣтенныя нами такимъ путемъ положенія и обобщенія. 3) Наконецъ, можно попытаться установить общую формулу хозяйственнаго или даже общечеловѣческаго прогресса; при этомъ мы вступаемъ уже въ область философіи исторіи и телеологіи, въ область надеждъ и предсказаній. Чѣмъ шире знаніе, на которомъ такая попытка построена, тѣмъ бо́льшую цѣнность она можетъ представлять. Для практическаго дѣйствованія такіе смѣлые синтезы всегда будутъ необходимы, и нельзя запретить настоящимъ пророкамъ времени вѣрить, что они открыли „законъ развитія“. Гербертъ Спенсеръ и теоретики эволюціи, Милль и Огюстъ Контъ, соціалисты и манчестерцы пытались формулировать такіе законы. Отъ того, что́ естествоиспытатели называютъ настоящими законами, все подобное всегда будетъ очень далеко; къ эмпирическимъ законамъ такія попытки также врядъ ли можно причислить. То, что́ нѣсколько поспѣшно назвали законами

исторіи, были или такія, часто очень сомнительныя обобщенія, или же простыя, старыя какъ міръ, психологическія истины, изъ которыхъ считалось возможнымъ выводить цѣлые ряды историческихъ событій. Поэтому является вполнѣ основательнымъ сомнѣніе, можемъ ли и должны ли мы уже теперь говорить объ историческихъ законахъ.

Заканчивая этимъ краткое разсмотрѣніе метода народнохозяйственной науки, я хочу теперь въ немногихъ словахъ резюмировать мои основныя воззрѣнія; но раньше считаю долгомъ принести извиненіе въ томъ, что недостатокъ мѣста вынуждалъ меня, особенно по второстепеннымъ пунктамъ, къ суммарной краткости, а кое-гдѣ заставлялъ ограничиваться почти намеками и высказывать такія утвержденія, которымъ не могло быть представлено здѣсь достаточныхъ доказательствъ.

Двумя путями, изъ которыхъ каждый равно намъ необходимъ и плодотворенъ, стремится человѣческое мышленіе постигнуть міръ. Оно составляетъ себѣ—конечно, на основаніи возможныхъ въ данное время наблюденій и воспріятій, картину цѣлаго,—цѣлаго міра, цѣлой исторіи, цѣлаго государства, цѣлаго народнаго хозяйства, цѣлаго общества, цѣлой человѣческой души; отсюда вытекаютъ наши дѣйствія, отсюда получаютъ свои импульсы наши цѣли; здѣсь—корень всѣхъ религіозныхъ, этическихъ, политическихъ, экономическихъ системъ; здѣсь—источникъ міровоззрѣнія и жизненнаго идеала, которые есть въ душѣ каждаго, которые управляютъ человѣкомъ, которыми опредѣляется связь его со вселенною и съ божествомъ. Это—путь телеологическаго и синтетическаго воззрѣнія и толкованія. Въ различныя времена и у различныхъ народовъ—по мѣрѣ перемѣнъ и усовершенствованій

въ представленіяхъ о мірѣ—путь этотъ необходимо долженъ приводить и къ различнымъ результатамъ. Если это—его слабость, то сила его въ томъ, что человѣческій умъ такимъ способомъ сразу можетъ обнять цѣлое, можетъ постигнуть великую связь вещей; онъ можетъ это потому, что, переживая въ себѣ самомъ все совершающееся въ области духа, онъ съ самаго начала владѣетъ всѣмъ этимъ, какъ цѣлымъ, хотя сначала лишь въ видѣ смутныхъ образовъ и догадокъ.

Въ контуръ цѣлаго, ставшаго такимъ образомъ постижимымъ, анализирующій разсудокъ вписываетъ затѣмъ результаты познанія частнаго. Разлагая явленія на ихъ малыя и малѣйшія части, наблюдая и описывая эти части, давая имъ имена и классифицируя ихъ, онъ съ помощью индукціи и дедукціи приходитъ къ постиженію причинъ, изъ которыхъ происходитъ все частное. Результаты этого методическаго, эмпирическаго познанія частностей для всякаго правильно оперирующаго—одни и тѣ же; въ этой области уже нѣтъ мѣста сомнѣнію и колебанію. Чѣмъ дальше человѣкъ проникаетъ по этому пути впередъ, тѣмъ болѣе онъ можетъ и въ пониманіи цѣлаго придти къ прочнымъ пріобрѣтеніямъ, тѣмъ яснѣе становятся его міросозерцаніе и его идеалы, тѣмъ высшаго совершенства можетъ достигнуть его поведеніе, тѣмъ правильнѣе его взглядъ на будущее. Человѣкъ постоянно долженъ стремиться соединить оба пути—разлагающаго анализа и объединяющаго синтеза; это—коренное требованіе его духовной природы, его воли и его влеченія къ знанію. „Движущійся постоянно впередъ анализъ цѣлаго, которымъ мы съ самаго начала владѣемъ въ непосредственномъ знаніи и пониманіи“, говоритъ Дильтей,—„вотъ основная черта исторіи гуманитарныхъ наукъ“.

Этимъ же путемъ шла и наука о народномъ хозяйствѣ.

Отправлялсь отъ представленій и цѣлей хозяйства семейнаго, общиннаго и государственнаго, путемъ аналитическаго изслѣдованія обмѣна и трудящагося человѣка, производства благъ и причинъ богатства, она пришла къ понятію народнаго хозяйства. Она стала наукой въ настоящемъ смыслѣ этого слова, она выдѣлилась, какъ самостоятельная часть, изъ этики съ тѣхъ поръ, какъ идущее впередъ познаніе частнаго стало противовѣсомъ предварительнымъ картинамъ цѣлаго, требованіямъ идеала и практическимъ ученіямъ. Затѣмъ она впала въ ту односторонность, что въ преходящихъ требованіяхъ времени она стала видѣть послѣдніе принципы, а въ отвлеченныхъ частичныхъ представленіяхъ—цѣлое, она предалась логическимъ умозаключеніямъ изъ несовершенныхъ абстракцій, въ то время когда посылки ея были еще столь же несовершенны, какъ и ея знакомство съ дѣйствительностью. Теперь, когда исторія и философія вновь привели ее къ пониманію коллективныхъ явленій и цѣлаго, когда статистика и исторія хозяйства указали ей пути методологически совершенной эмпиріи, а психологія поставила передъ ней, въ качествѣ необходимой цѣли, отысканіе дѣйствительно рѣшающихъ причинъ всѣхъ событій въ жизни человѣчества,—она находится на вѣрномъ пути.

ЛИТЕРАТУРА ВОПРОСА.

Общія сочиненія о методѣ: *J. St. Mill*, System der deduktiven und induktiven Logik, deutsche Uebersetzung von J. Schiel, 2 Bde. 1862 (есть русскій переводъ: *Дж. Стюартъ Миллъ*. Система логики. Съ 5-го дополненнаго изданія переведено Ф. Резенеромъ подъ ред. П. Лаврова. Изд. 2-е. Спб. 1878 г.). *H. Lotze*, Logik. Drei Bücher vom Denken, vom Untersuchen und Erkennen, 1874. *Chr. Sigwart*, Logik, 2 Bde, 1873, 1878. *R. Euken*, Die Grundbegriffe der Gegenwart, 1893. *W. Wundt*, Erkenntnisslehre, 1880. *W. Wundt*, Methodenlehre, 1883. *W. Dilthey*, Einleitung in die Geisteswissenschaften, I, 1883. *H. Höffding*, Psychologie in Umrissen auf Grundlage der Erfahrung, übers. von Benedixen, 1887 (есть русскій переводъ: *Гефдингъ*. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Москва. 1892 г.).

Исторія системъ и теорій: *I. Kant*, Kritik der Urteilskraft, 1793. *Fr. Jodl*. Geschichte der Ethik in der neueren Philosophie, I, 1882, II, 1889. *J. Kautz*, Die geschichtliche Entwickelung der Nationalökonomik und ihrer Litteratur, 1860. *E. Dühring*, Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus, 1879. *W. Roscher*, Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland, 1874. *H. Eisenhart*, Geschichte der Nationalökonomik, 1881. *G. Schmoller*, Zur Litteraturgeschichte der Staats- und Socialwissenschaften, 1888. *J. K. Ingram*. Geschichte der Volkswirtschaftslehre, deutsch 1890 (есть русскій переводъ: *Ингремъ Д.* Исторія политической экономіи. Москва. 1891).

О новѣйшихъ направленіяхъ: *G. Cohn*, Die heutige Nationalökonomie in England und Amerika, Jahrb. f. Ges. u. Verw. XIII, 1889, Heft 1 u. 3. *H. C. Foxwell*, The economic movement in England,

Quart. Journ. of Econ., 2, 1887. *M. Block*, Progrès de la science économique depuis A. Smith, 2 vol., 1890. *Ch. Gide*, The economic schools and the teaching of political economy in France (Polit. science quarterly, V, 4, 1890). Quatre écoles d'économie sociale, 1890. *H. Schullern-Schrattenhofen*, Die theoretische Nationalökonomie Italiens in neuester Zeit, 1891. *Henri St. Marc*, Etude sur l'enseignement de l'économie politique dans les universités d'Allemagne et d'Autriche, 1892. *Luigi Cossa*, Introduzione allo studio dell' economia politica, 3 ed., 1892.

О развитіи соціалистическихъ теорій: Handwörterbuch der Staatswissenschaften, статья Socialismus, IV Bd. *Fr. Mehring*, Die deutsche Socialdemocratie, ihre Geschichte und ihre Lehre, 1877. *R. Meyer*, Der Emanzipationskampf des vierten Standes, 2 Bde, 1875. *E. de Laveleye*, Le socialisme contemporain, 1892 (есть русскій переводъ: *Лавеле*. Современный соціализмъ. Спб. 1882). *J. Rae*, Contemporary socialism. 1891. *Paul Leroy-Beaulieu*, Le collectivisme, examen critique du nouveau socialisme, 1885. *A. Menger*, Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, 1891. *Warschauer*, Geschichte des Socialismus und Kommunismus, 1892. Работы: *Malon*, Histoire du socialisme depuis ses origines jusqu'à nos jours, 5 vol., 1880—85, и *H. P. C. Quack*, De socialisten, Amsterdam, 1875—91, мнѣ неизвѣстны.

О статистическомъ методѣ см. въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, литературныя указанія къ статьямъ: Bevölkerungswechsel (II Bd.), Gesetz (III Bd.), Kriminalstatistik (IV Bd.), Moralstatistik (IV Bd.), Statistik (VI Bd.). Здѣсь мы упомянемъ лишь нѣкоторыя методологически важнѣйшія работы: *Knies*, Die Statistik als selbstständige Wissenschaft, 1850. *G. Rümelin*, Zur Theorie der Statistik, Zeitschr. f. Staatsw., Bd. 19, 1863. *G. Rümelin*, Reden und Aufsätze, I, 1875. *A. Wagner*, Die Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen, 1864. *A. Wagner*, Statistik, St. W. B. v. Bluntschli und Brater. 1867. *G. Schmoller*. Zur Literatur der Staats- und Socialwissenschaften, 1888. *Drobisch*, Die moralische Statistik und die Willensfreiheit, 1867. *E. Engel*, Das statistische Seminar und das Studium der Statistik. Zeitschr. d. preuss. stat. Bureaus, XI, 1870. *G. Schmoller*, Ueber die Resultate der Bevölkerungs- und Moralstatistik, 1871. *A. v. Oettingen*, Die Moralstatistik, 1892. *F. G. Knapp*, Die neueren Ansichten über Moralstatistik, Jahrb. f. Nat., Bd. 16, 1871. *F. G. Knapp*, Quetelet als Theoretiker, Jahrb. f. Nat. Bd. 18, 1872. *W. Lexis*, Zur Theorie der Massenerscheinungen in der menschlichen Gesellschaft, 1877. *G. Mayr*, Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben,

1877 (есть русскій переводъ Романова Н.: *Майръ Георгъ*, Законосообразности въ общественной жизни). *A. Meitzen*, Geschichte, Theorie und Technik der Statistik, 1886. *Richmond Mayo Smith*, Statistics and economics, publ. of the Americ. Econ. Association, vol. III, № 4, 5, 1888.

Объ историческомъ методѣ: *Gervinus*, Grundzüge der Historik, 1837. *Giesebrecht*, Die Entwickelung der modernen deutschen Geschichtswissenschaft, ybels Histor. Zeitschr. I, 1839. *H. v. Sibel*, Gesetze des historischen Wissens, 1864. *J. G. Droysen*, Grundriss der Historik, 1882. *G. Rümelin*, Ueber Gesetze der Geschichte, 1878, въ его „Reden und Aufsätze" II, 1881. *Lord Acton*, German schools of history, english hist. review, I, 1886. *O. Lorentz*, Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben, 1886. *E. Bernheim*, Lehrbuch der historischen Methode, 1889. *E. Gothein*, Die Aufgaben der Kulturgeschichte, 1889. *D. Schäfer*, Geschichte u. Kulturgeschichte, 1891. *W. Roscher*, Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirtschaft nach geschichtlicher Methode, 1843. *B. Hildebrand*, Die Nationalökonomie der Gegenwart und der Zukunft, 1848 (есть русскій переводъ М. Щепкина: *Гильдебрандъ* Политическая экономія настоящаго и будущаго. Спб., 1860). *W. Roscher*, Der gegenwärtige Zustand der wissenschaftlichen Nationalökonomie und die notwendige Reform desselben, Deutsche Vierteljahrsschrift, 1849, 1 Heft. *K. Knies*, Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte, 1883. *B. Hildebrand*, Die gegenwärtige Aufgabe der Wissenschaft der Nationalökonomie, Jahrb. f. Nat., I, 1862. *W. J. Ashley*, On the study of economic history, Quarterly Journal of Economics, vol. VII, 1893. Дальнѣйшую нѣмецкую литературу см. въ отдѣлѣ споровъ о методахъ.

О математической національной экономіи: *W. Böhmert*, W. Stanley Jevons und seine Bedeutung für die Theorie der Volkswirtschaftslehre in England, Jahrb. f. Gesetzg. u. Verw., XV, 3. *W. Lexis*, Untersuchungen über die Theorie des Preises, Jahrb. f. Gesetzg. u. Verw. XIV, I.

Новѣйшіе споры о методикѣ въ Германіи и Австріи: *Gerstner*, Die Nationalökonomik als Gesellschaftswissenschaft, Tüb. Zeitschr. f. Staatsw., Bd. 17 (1861). *J. Faucher*, Geschichte, Statistik und Volkswirtschaft. Vierteljahrsschrift f. V. W. u. Kulturg., 1863, Bd. 4. *G. Rümelin*, Ueber den Begriff eines sozialen Gesetzes, Zeitschr. f. Staatsw., Bd. 24 (1868). *G. Rümelin*, Reden und Aufsätze, I, 1875. *B. Weiss*, Die Nationalökonomie und ihre Methode (О Дж. Ст. Миллѣ и противъ него), Jahrb. f. Nat., Bd. 18 (1872). *G. Schmoller*, Ueber einige Grund-

fragen des Rechts und der Volkswirtschaft, Jahrb. f. Nat. Bde 23, 24 (1874—75). *H. Dietzel*, Ueber das Verhältniss der Volkswirtschaftslehre zur Sozialwirtschaftslehre. Berlin. Diss. 1882. *H. Dietzel*, Der Ausgangspunkt der Sozialwirtschaftslehre u. ihr Grundbegriff, Zeitschrift f. Staatsw., Bd. 39, 1883. *K. Menger*, Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere, 1883 (есть русскій переводъ: *Менгеръ К.*, Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. Переводъ подъ ред. А. Гурьева. Спб. 1894). *G. Schmoller*, Zur Methodologie der Staats- und Sozialwissenschaften. Jahrb. f. Ges. u. Verw. 1883, VII, Heft 3. *E. Sax*, Das Wesen und die Aufgaben der Nationalökonomie, 1884. *H. Dietzel*, Beiträge zur Methodik der Wirtschaftswissenschaft, Jahrb. f. Nat. N. F. IX, 1884. *W. Hasbach*, Ein Beitrag zur Methodologie der Nationalökonomie, Jahrb. f. Ges. u. Verw., 1885, IX, Heft 2. *A. Wagner*, Systematische Nationalökonomie, Jahrb. f. Nat. N. F. XII, 1886. *E. v. Philippovich*, Ueber Aufgabe und Methode der politischen Oekonomie, 1886. *L. Brentano*, Die klassische Nationalökonomie, 1888. *E. Sax*, Die neuesten Fortschritte der nationalökonomischen Theorie, 1889. *F. Kleinwächter*, Wesen, Aufgabe und System der Nationalökonomie. Jahrb. f. Nat. N. F. 18, 1889. *K. Menger*, Grundzüge einer Klassifikation der Wirtschaftswissenschaften, Jahrb. f. Nat. 19, 1889. *Fr. J. Neumann*, Naturgesetz und Wirtschaftsgesetz. Zeitschr. f. Staatsw. Bd. 48, 1892, Heft 3. *A. Wagner*, Grundlegung der politischen Oekonomie, 3 Aufl., 1 Tl., 1 Halbband, §§ 54—107. *B. John*, Zur Methode der heutigen Sozialwissenschaft, Zeitschr. f. Volksw., Sozialpol. und Verw., Wien, 1892, I, 2 Heft. *B. John*, Zur Genesis der realistischen Wissenschaft, Z. f. Volksw., Soz. u. V., 1893, II, Heft 1, 2. *J. v. Gans-Ludassy*, System der ökonomistischen Methodologie, 1893.

Изъ новѣйшей англійской литературы о методѣ приведемъ еще: *H. Jevons*, Theory of pol. economy, 1871. The principles of science, 2 vol., 1874. Studies in deductive logic, 1880. *Cairness*, The character and logical method of political economy, 1875. *David Syme*, Outlines of an industrial science, 1876. *Th. E. Cliffe Leslie*, On the philosophical method of political economy. Hermathena. Vol. II, 1876. *John Ingram*, Present position and prospects of political economy, 1878. *Th. E. Cliffe Leslie*, Essays on political economy. 1886. *W. J. Ashley*, What is political science? 1888. *J. N. Keynes*, The scope and method of political economy, 1891.

По вопросу объ отношеніи національной экономіи къ основнымъ наукамъ, главнымъ образомъ

къ такъ называемымъ общественнымъ наукамъ и къ соціологіи, здѣсь могутъ быть даны лишь нѣкоторыя общія литературныя указанія.

Къ эпохѣ, когда въ Германіи рядомъ съ прежними государственными науками хотѣли поставить особую науку объ обществѣ, принадлежатъ: *H. W. Riehl*, Die bürgerliche Gesellschaft, 1851. *H. W. Riehl*, Land und Leute, 1854. *R. v. Mohl*, Die Staatswissenschaften und die Gesellschaftswissenschaft, Gesch. u. Litt. der Staatswissensch., I, 1855. *L. Stein*, Die Gesellschaftslehre, Bd. 2 des Systems der Staatsw., 1856. *H. v. Treitschke*, Die Gesellschaftswissenschaft, 1859.

На иной совсѣмъ почвѣ—на почвѣ философіи и психологіи, этики, философіи права, исторіи нравовъ и права, сравнительнаго народовѣдѣнія — выросли тѣ научныя изслѣдованія и попытки, которыя разумѣются нынѣ подъ именемъ соціологіи и съ полнымъ правомъ заявляютъ притязаніе на основное и объединяющее значеніе для всѣхъ спеціальныхъ наукъ о государствѣ и обществѣ, а слѣдовательно и для національной экономіи. Сюда принадлежатъ самыя разнообразныя изслѣдованія филологическія и литературно - историческія, психологическія (Herbart и его школа, Zeitschrift für Völkerpsychologie, *G. A. Lindner*, Ideen zur Psychologie der Gesellschaft, 1871, психологіи Lotze и Wundt'a 1852 и 1874, *A. Horwicz*, Psychologische Analysen auf physiologischer Grundlage, 2 Bde, 1878, и т. д.), изслѣдованія этическія, по моральной философіи и философіи права, въ особенности изслѣдованія реалистическаго характера (Bentham, Benecke, Feuerbach, но и Schleiermacher, Hegel, Lotze, Wundt, Paulsen, Höffding и др., затѣмъ Ihering, Arnold, Merkel, Sumner Maine (Ancient law, 1866, Early history of institutions, 1872), затѣмъ сочиненія о государствахъ животныхъ, о древнемъ правѣ и культурѣ, (напр., *Lewis H. Morgan*, Ancient Society, 1877; Post, Kohler, Leist, Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft).

Изъ **собственно соціологической литературы** назовемъ, какъ важнѣйшее: *A. Comte*, Cours de philosophie positive, 6 vol. 1842 (къ этому: *J. St. Mill*, A. Comte und der Positivismus, 1865; *Jodl*, Gesch. d. Ethik). *H. Spencer*, Einleitung in das Studium der Soziologie, 1875 (есть русскій переводъ: *Спенсеръ*. Начала соціологіи. Пер. съ англ. подъ ред. Лучицкаго. К. 1880). *H. Spencer*, Die Principien der Soziologie, 4 Bde, 1877 (есть русскій переводъ: *Спенсеръ*, Основанія соціологіи. Спб. 2 т.). *H. Spencer*, Die Thatsachen der Ethik, 1879 (есть русскій переводъ: *Спенсеръ*, Научныя основанія нравственности. Спб. 1896). *A. E. Fr. Schäffle*, Bau und Leben des so-

cialen Körpers, 4 Bde, 1875 — 1881. *Krohn*, Beiträge zur Kenntnis und Würdigung der Soziologie. Jahrb. f. Nat. N. F. 1, 3 (1880—81). *Fr. v. Bärenbach*, Die Sozialwissenschaften, 1882. *Gumplowicz*, Grundriss der Soziologie, 1885 (есть русскій переводъ: *Гумпловичъ*, Соціологія. Москва, 1896). *F. Tönnies*, Gemeinschaft und Gesellschaft, 1887. *H. Simmel*, Ueber soziale Differenzierung, soziologische und psychologische Untersuchungen (Schmollers Forschungen, Heft 42), 1890. *F. Tönnies*, Werke zur Philosophie des sozialen Lebens und der Geschichte, Philos. Monatshefte, Bd. 28. *A. Dürkheim*, De la division du travail, 1893.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Маевскій, П. Осенняя флора Средней Россіи. Изд. 2-е.

Паркеръ, Т. Лекціи по элементарной біологіи. Пер. В. Львова.

Тихонравовъ, Н. Собраніе сочиненій. Подъ редакціей М. Сперанскаго и В. Якушкина.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Маршаль, М. Развитіе человѣческаго зародыша. Перев. В. Львова.

Гг. книгопродавцевъ просятъ обращаться по адресу: *Москва, Арбатъ, № 28, контора М. и С. Сабашниковыхъ*

Цѣна 50 коп.